

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДЖЕЙ ЯСИНСКИЙ,
ДМИТРИЙ КОРКИН

ТОЛЛЕУС.
ИЗГОЙ

Annotation

Отгремел Турнир големов – самое ожидаемое и любимое мероприятие в Оробосе. Кордосский искусник Толлеус после блестящего выступления заключен под стражу своими соотечественниками и отправлен на родину, где его предадут суду за давнишние прегрешения... Оставшийся без хозяина рыжий Оболиус собирается ехать домой, возвращаясь к скучной и бесперспективной жизни...

Удача в лице великого инфомага Ника поможет обоим, снова сведет вместе учителя и ученика! Желанная свобода... Но никто нигде их не ждет, а в кошеле гуляет ветер. Им предстоит исколесить весь Оробос в поисках своего места в этом мире.

Анджей Ясинский, Дмитрий Коркин

Толлеус. Изгой

© Анджей Ясинский, Коркин Д. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

От всей души хотим выразить признательность читателям Самиздата, которые помогали находить и исправлять ошибки в тексте.

Спасибо вам, друзья!

Анджей Ясинский, Дмитрий Коркин

Часть первая
Баловень судьбы

Широтон

Толлеус проснулся внезапно, словно от толчка. По внутренним ощущениям ночь еще только собиралась уступать права нарождающемуся утру. Проверить предположение не представлялось возможным: свет лился от искусного светляка, а единственное крохотное окошко было таким темным, что навевало мысли о намеренном затемнении. Будь на дворе обычная ночь – были бы звезды, да и свет Мунары позволил бы увидеть хоть что-нибудь. Осоловело обводя взглядом скудное убранство незнакомой комнатухи, Толлеус силился понять, где он есть. Непонятное место – тишина, как в могиле. Причем тишина абсолютная, нет привычных звуков, присущих любому жилому дому: не жужжали мухи, не шуршали и не попискивали мыши в подполе, не поскрипывали старые половицы. Более того, сейчас молчали даже призрачные голоса, ранее и днем и ночью бормотавшие в голове у искусника. За долгие годы своей жизни старик так и не выяснил, откуда они берутся, хотя в молодости неоднократно предпринимал попытки с этим разобраться. Все же кое-что опытным путем удалось узнать. Например, что это не наваждение и не бред больного воображения, что призрачный шум имеет эмоциональную окраску, что он громче в городах и тише в сельской местности и что его можно совсем заблокировать с помощью плетений. Сейчас, похоже, как раз такой случай. Странно – «глухие» здания встречались старику крайне редко, поскольку плетение, отсекающее гомон призраков, манозатратное.

Что произошло и где он? Память стала медленно возвращаться, когда сон отступил. «Я в Широтоне, чародейской столице. В самом сердце враждебной страны, – вяло потекли мысли в голове. Страх не возникло, Толлеус уже немного привык не шараться от каждого встречного, как было поначалу. – Я участвовал в Турнире големов, да. Причем отлично выступил на своем шестиногом големе Пауке, несмотря на все сомнения кордосского посла».

– Так ведь как раз Маркус здесь тебя и запер, а перед этим до глубокой ночи допрашивал, забыл? – с ехидцей спросило проснувшееся альтер эго.

Этот «второй Толлеус» большую часть времени тихонько дремал где-то на задворках сознания, но всегда просыпался в период волнения и не упускал возможности поддеть старика. Впрочем, споры с ним приносили явную пользу: несмотря на общие знания этой «парочки», их мысли и характер отличались, так что получался самый настоящий живой диалог. Единственным досадным эффектом таких размышлений было то, что искусник зачастую проговаривал их вслух.

– Меня арестовали, потому что узнали, что я прикарманивал немного маны, когда работал настройщиком манонасосов в маркинской тюрьме, – согласился Толлеус со своим невидимым собеседником, восстанавливая в памяти цепочку событий. – А еще они думают, что я помогал оробосцам с освобождением пленников...

– Поэтому теперь отвезут в Терсус и промоют мозги, проверяя свои предположения, – закончило альтер эго и хихикнуло.

Действительно, событие экстраординарное, побегов из чародейских тюрем не случалось со времен войны между империями Кордос и Оробос. Причем происшествие по своим масштабам и дерзости не лезло ни в какие ворота: массовые разрушения в городе, огромная утечка маны, горы трупов... По слухам, некоторые фрагменты ратуши до сих пор сами собой

парят в воздухе, презрев все законы природы, хотя прошло больше месяца. В общем, достаточно событий, чтобы поставить на уши не только маленький городок Маркин, но и всю империю. И вопросов хватает, примчавшаяся разбираться столичная комиссия до сих пор не может выстроить четкую картину, хоть трясет немногочисленных свидетелей и подозреваемых с особым тщанием, не гнушаясь никакими средствами. Толлеус же подпадал под определение и свидетелей и подозреваемых. Ему уж точно не стоит рассчитывать покинуть «гостеприимные» стены имперских дознавателей даже в недобром здравии, окажись он в их руках. Но вот это случилось, хотя сперва казалось, что все обойдется: воспользовавшись неразберихой первых дней, удалось покинуть родину, беспрепятственно пересечь границу Оробоса и даже очень удачно устроиться на новую работу при посольстве. Теперь все, в один миг удача кончилась.

Перспективы вырисовывались мрачные, продолжать дискуссию на эту тему не хотелось даже с самим собой. Да и самочувствие паршивое – мало того что Толлеус стар и болен, из-за чего постоянно приходится таскать на себе тяжеленный жилет, напичканный целебными амулетами и потребляющий ману с умопомрачительной скоростью, так вдобавок наложилось нервное напряжение от выступления и допроса. За несколько часов тяжелого сна Толлеус совсем не отдохнул. Кажется даже, еще больше устал. Конечно, такого не может быть, скорее всего, закончилось действие плетения, которым его обработали, и теперь он ощущает свое немощное тело как есть, без подавления определенных участков сознания. В пользу этой версии также говорило то, что буквально несколько часов назад в ходе допроса бывший настройщик манонасосов примирился с незавидной участью, которая ждала его на родине, и был абсолютно спокоен. Но теперь с ним произошла удивительная метаморфоза – он враз перестал чувствовать себя должником империи. Нет, разумеется, он ее сын и против нее никогда не пойдет. Просто вдруг очень расхотелось бесславно умирать. Напротив, вернулось горячее желание еще пожить, причем чем дольше, тем лучше. В идеале вечно, как тот искусник из видений, который хоть и умер, сожранный странными тварями, но потом воскрес. Вот бы Толлеусу так: казнили, а тело хлоп – и возродилось где-то в другом месте, и никто про это даже не знает...

Увы, это несбыточные мечты. Такое возможно, да, старик больше не сомневался ни в одном из своих видений, которые посетили его во время памятных событий на развалинах комендатуры. Только уровень Искусства для этого требуется совсем не как у него, возможно даже, и уровня академика не хватит. Раньше Толлеус считал, что звание академика – это венец мастерства. Да, древние были могущественны, но все, что от них осталось, – редкие артефакты из раскопок на месте старых городов и проклятые территории там, где бушевали эпические битвы. Однако с недавних пор он стал подозревать, что те знания и умения, которые считали утраченными многие века, сохранились.

Толлеус прекрасно понимал, что не сможет сбежать из-под ареста. Даже если не брать в расчет, что он всего лишь магистр, причем совсем дряхлый, шансов никаких. Во-первых, ни посоха, ни маны. Во-вторых – бежать-то некуда! И все же он гнал от себя эти мысли. Не потому, что на что-то надеялся, а просто чтобы не киснуть в тоске и безысходности. Дабы хоть чем-то отвлечься, он начал пытаться сотворить какое-нибудь простенькое плетение аурой, точь-в-точь как учил Оболиуса.

Где-то теперь этот несносный оробосский мальчишка, рыжий, как огонь, и толстый, как поросенок? Судьба свела его с Толлеусом в Олитоне через пару дней после того, как бывший настройщик манонасосов пересек границу. С тех пор внук олитонской трактирщицы

прислуживал кордосцу, а тот дал парнишке несколько уроков Искусства, поскольку у него обнаружился настоящий дар.

Сколько старик ни пыжился, ничего не выходило. Теорию он знал отлично, прекрасно понимал все особенности. Но сказывался столетний опыт работы с посохом: аура кордосца сама собой начинала искать искусный инструмент, игнорируя все остальные команды. В итоге Толлеус махнул рукой. Для него это пустая трата времени, баловство. Слишком сложно все делать самому, когда привык к комфорту. Это как если всю жизнь летать, подобно птице, а потом лечь и, словно змея, ползти на брюхе. Ему нужен посох или, на худой конец... Амулет! Провидение ли постаралось или счастливая случайность, но посольские искусники не тронули целительский жилет, а стало быть, и его управляющий амулет, архейскую реликвию. Видимо, побоялись вмешиваться в его настройки. И то верно: жизнь старика напрямую зависит от работы этого лечебного амулета, встроенного в железный каркас. Пожалуй, даже сам Толлеус сразу не вспомнил бы, как там что наверчено, – конструкция за долгие годы многократно изменялась и усложнялась. В общем-то тюремщики правильно сделали, опасаться бывшего настройщика манонасосов не стоит. Манокристалл они забрали, так что искусник своим амулетом ничего не выиграл, и все же теперь возможностей у него чуть-чуть больше.

Перед Турниром Толлеус многое скопировал из своего посоха в этот архейский артефакт – были причины. Увы, не все влезло, посох умеет сжимать заготовки плетений, а амулет нет, поэтому емкости у них сильно отличаются. Но все же что-то – это лучше, чем совсем ничего. Надо только проинспектировать, что же осталось. Только чуть-чуть попозже, сперва хочется узнать другое – сохранилась ли возможность составлять новые плетения.

Активировать заготовку с помощью наследства древних легко. Даже новичок, который, кроме ученического посоха, ничего в руках не держал, с этим справится. Собрать новое плетение из фрагментов теоретически тоже возможно, только гораздо сложнее. Не потому, что артефакт для этого не предназначен, а просто непривычно. Вроде бы тот же инструмент, только с другой рукоятью, рукам неудобно. Что ж, нужно попробовать, может статься, что получится так же, как во время недавнего опыта с голой аурой, – скорее лопнешь от натуги, чем переучишься.

Толлеус принялся за эксперименты, пытаясь собрать плетение с помощью архейской реликвии. Дело шло со скрипом, но шло! Через пятнадцать минут пыхания и сопения на стене красовалась надпись, сделанная светящимися буквами: «Толлеус из Маркина томился здесь». Искусник посмотрел, скривился и стер писанину. Ни к чему выдавать тюремщикам свои возможности, да и слишком уж печально звучит.

Настал черед ревизии имеющихся плетений. Конечно же ничего под названием «освобождение из темницы» там не было. Просто следовало проверить, что осталось в хозяйстве, а что пропало.

Когда с этим было покончено, Толлеус принялся бродить по камере, в буквальном смысле слова водя носом по стенам. Он заинтересовался защитой. Не то чтобы надеясь ее сломать, а просто из профессионального любопытства. Его исследования неожиданно принесли пользу: поднатужившись, искусник сформировал плетение манонасоса и подключил его к найденной брешу – незащищенному каналу одного из плетений охранного контура. Теперь мана из далекого кристалла тоненькой струйкой потекла к нему в ауру. Это, конечно, никоим образом не подрывает обороноспособности камеры. Просто местный настройщик вынужден будет поменять кристалл раньше обычного. А у Толлеуса чуть-чуть

прибавится сил. Да и то сказать «прибавится»: с рассветом его повезут в Кордос, тут не надо быть пророком, чтобы сообразить – задерживать исполнение приказа Маркус не станет. Стало быть, много выкачать Толлеус не успеет.

Повезут его в карете. Наверное, даже окошки не закроют – смысла нет. Защиту там установят, но совсем не такую мощную, как здесь. Однако там будут охранники. Они хоть и тоже магистры, причем более низких ступеней, но все как один боевого направления. У них в жезлах такие плетения, какими старику владеть не приходилось. Так что выступать против конвоиров нечего и думать. Весь расчет на счастливый случай, который может подвернуться в дороге. Это если искуснику повезет и его чем-нибудь не усыпят. Иначе пленника можно будет даже не сторожить и везти в простой открытой телеге – куда он из нее денется?

Эта мысль заставила Толлеуса вздрогнуть. Очень не хотелось последние дни жизни провести овощем без хоть и призрачной, но надежды. Неожиданно на смену этой мысли пришла другая. В последнее время он из-за подготовки к Турниру совсем забросил себя: в бане сто лет не был, одежда не стирана, а впереди еще неделя путешествия! Хорош он будет, когда предстанет перед судом в таком виде! Неприлично это – в конце концов, он искусник, а не деревенщина, что в свинарнике навоз сгребает! Это для пользы дела можно потерпеть пару дней без купальни, почешешься лишний раз, и только. Но когда на должность назначают или, как сейчас, приговор оглашают, нужно быть при полном параде.

Искусник поднялся и требовательно забарабанил в дверь: пускай несут пару ведер воды, на это он имеет право!

Глава 2

Оболиус. На вольных хлебах

Днем ранее

Оставшись без хозяина, которого забрали посольские искусники, рыжий подросток не впал в уныние. Жаль, конечно, что так вышло, но тут уж ничего не поделаешь. И без того приключение получилось замечательным: впечатлений хватит на всю жизнь, будет что рассказать внукам. И даже показать. Оболиус вчера быстро сориентировался и умудрился вывезти из мастерской кое-какие вещи Толлеуса и свое величайшее творение – маленького деревянного голема. Теперь осталось лишь вернуться к бабке в родной Олитон. Благо деньги есть и с хозяином попутного каравана он уже договорился. До отправления еще целый день, и мальчишка знал, как его провести. В кармане лежал подарок учителя – пропуск-билет на Турнир. По такому можно ходить смотреть выступления чародеев и их творений хоть каждый день – дорогая вещь! Сегодня Оболиус в последний раз посмотрит на големов и продаст билет, а завтра тронется в обратный путь.

На самом деле Толлеус очень удивился бы, если бы узнал все мысли своего помощника. Судьба свела их почти месяц назад, и надо сказать, этот месяц выдался очень насыщенным. Олитонец был настоящим сыном своего отечества, воспитанным в ненависти к кордосцам. Некоторые трудности, с которыми столкнулся старик в пути, были на совести рыжего мальчишки. Однако постепенно в сознании Оболиуса зрело убеждение, что все совсем не так просто, как он привык думать. Мальчишка уже успел оценить пользу, которую приносит Искусство своему обладателю. К тому же учиться было очень интересно. В самом начале пути внук трактирщицы без тени сомнения убил бы своего господина, если бы был уверен в своей безнаказанности, а теперь он даже немного расстраивался, что их совместное путешествие закончилось. Ну да тут ничего не поделаешь, так сложилось.

С утра пораньше парень уже был на трибунах. В этот раз он без проблем преодолел все кордоны, хотя где-то внутри жил страх, что стража опять прицепится к нему. Всего несколько дней назад вороватые охранники попытались поживиться за его счет, хотя по идее должны были блюсти закон на вверенной территории. Помогло выкрутиться лишь ненавистное Искусство, к которому у мальчишки оказался настоящий талант и азы которого он освоил, путешествуя с кордосцем.

Люди все прибывали, солнце осветило арену, и Турнир начался. Все заботы тотчас же забылись, когда под рев зрителей сошлись в схватке два каменных исполина. Оба имели человекообразную форму, сходный размер и были без оружия – таково одно из требований. В единоборствах есть много номинаций, но на них Оболиус уже не попадал. Легкое чувство сожаления по этому поводу проскальзывало, но даже кулачный бой стоил того, чтобы его посмотреть. Големы крошили друг друга в пыль, пытаясь уклониться от взаимных атак. Причем настоящие мастера действовали не только руками своих подопечных, но умудрялись даже пинать врага ногами и толкать корпусом.

После каждой схватки истуканы получали серьезные увечья, залечить которые разрешалось лишь между турами. Но главной целью было сбить с тела противника голову – небольшой камень, в общем-то совершенно не нужный голему.

Поскольку деньги у Оболиуса водились, он каждый раз ставил монетку на своего фаворита. Впрочем, несмотря на азарт, ставки он делал небольшие, чтобы не потерять все

сбережения. Мальчишка прекрасно понимал, что слишком плохо разбирается в участниках, чтобы заранее предвидеть исход матча и определить победителя. Здесь помочь могли лишь опыт и удача, поскольку на Турнире присутствовали специально нанятые чародеи, которые старательно маскировали будущее от своих коллег, способных его читать.

В результате за целый день Оболиус практически ничего не выиграл и не проиграл. Несколько мелких монет, что остались у организаторов Турнира, можно не принимать в расчет. Небольшая плата за удовольствие в дополнение к билету, не более того.

Солнце в один миг совершило свое ежедневное путешествие по небосводу, бои на сегодня закончились, и зрители потянулись на выход. Предвидя этот момент, ученик искусника поспешил выскочить первым, чтобы предложить выкупить свой билет как можно большему числу людей. К сожалению, по этому документу нельзя было попасть на ярус для аристократов. По глубокому убеждению Оболиуса, только у этой братии есть свободное время, чтобы ходить сюда каждый день. Пришлось встать возле своего входа, через который сплошным потоком шли купцы и мастера гильдий, и лишь печально поглядывать в сторону ворот для благородных.

– Билет, билет, продается билет, кому билет... – бубнил мальчишка, но на него почти не обращали внимания, никто не пытался даже прицениться.

Ручейки людей стали иссякать, и Оболиус заволновался, что так и не найдет покупателя, поэтому он стал предлагать свой товар громче, обещая отдать за малую цену. Увы, даже это не помогло. Вот уже через ворота стали выходить отдельные припозднившиеся зрители, а клиента все не было.

Внезапно плечо «торговца» сдавила чья-то сильная рука. Обернувшись, он увидел двух стражников из городского патруля и с внезапно нахлынувшей горечью понял, что удача ему изменила.

Глава 3

Стражник Анико. Служба

Патрулировать в Серебряном кольце с одной стороны хорошо, а с другой – плохо. Если кто любит спокойно погулять по красивым аллеям, вдыхая нежные цветочные ароматы, то сам попросится в Серебряный город. Потому что там как раз так и есть – все чистенько, красивенько, пьяные не валяются, лиходеи в подворотнях не прячутся, никто не бранится на всю улицу. Пожалуй, даже на собственном дворе нет такого порядка, а здесь даже специальные люди следят, чтобы конские яблоки на дороге не лежали. Нигде в целом свете нет такого. Ну, разве что в садах благородных слуги поддерживают такую же чистоту и красоту.

Если же хочется заработать лишнюю монетку, то, конечно, в Серебряном кольце стражнику плохо. Даже если вдруг каким-то чудом какой-нибудь аристократ окажется нетрезвый на улице, обхлопать его не моги, себе дороже выйдет. И торговцы за особый пригляд не заплатят – нет их здесь, все в Бронзовом кольце. И вездесущих карманников тоже нет. А коли так, то и монетки нет за то, чтобы стражники не гоняли.

Но и это еще не все. Серебряное кольцо – немаленькое. Бывает обычное патрулирование улиц, а могут и на солнцепек поставить на стационарный пост. Нынче в столице Оробоса большое событие – Турнир големов. Требуется обеспечить безопасность внутри кольца и на прилегающей территории. Тем, кто попал внутрь, повезло – бесплатно посмотрят выступления, а тем, кто несет службу снаружи периметра, остается лишь слушать восторженный рев толпы из-за высоких стен, потеть под лучами жаркого солнца.

Примерно так рассуждал Анико, в который раз уже обходя вместе с Лумми вокруг циклопического сооружения, похожего на огромную цирковую арену без купола. Хорошо хоть ноги можно немного размять, но все равно не повезло. И ничего не поделаешь – служба!

День плавно клонился к своему завершению. Оба стражника изрядно вспотели под парадными кирасами и проголодались. Благо до конца смены оставалось всего ничего.

– Смотри! – кивком показал напарник Анико на какого-то мальчугана.

Стражник, вынырнув из омута своих мыслей, прислушался. «Купите билет», – монотонно твердил тот, встав возле выхода с арены.

Патрульные, не стовариваясь, направились к мальчишке, стараясь зайти со спины, отсекая пути к бегству. Вообще ситуация не совсем типичная. Бывает, орудуют шипачи. Еще чаще встречаются шарлатаны, которые притворяются видящими и обещают назвать имя победителя Турнира до начала состязаний. Торговать билетами – что-то новенькое. Конечно, штука достаточно дорогая, чтобы соблазнить какого-нибудь умельца нарисовать такую же. Вот только по подделке чародеи легко найдут того, кто ее изготовил, и все об этом знают. Так что таким никто не занимается. А вот продать краденое может получиться, хотя глупо делать это здесь. Пацан, похоже, новичок.

Лумми ловко сцапал за ворот мальчишку, который даже не озирался, полностью оправдывая определение зеленого дурачка. Конечно, внятно объяснить, откуда у него билет (причем не обычный, для разового посещения, а дающий доступ ко всем состязаниям), он не смог. Тут уже стражники не стали церемониться. Лумми схватил жулика за запястье, а Анико выдернул из пухлых пальцев вещественное доказательство преступления.

Неожиданно что-то случилось. Невидимая петля сжала горло Анико так, что не

получалось вздохнуть. Выронив билет, он схватился за шею, силясь нащупать удавку, но ее не было. Кажется, воришка что-то говорил, угрожая, но стражник его почти не слышал – в голове шумело. Отчаянно жестикулируя, он попытался позвать на помощь, но буквально через полминуты рухнул на колени, уже не интересуясь окружающим.

Удушье прошло так же внезапно, как и появилось. В первые мгновения Анико лишь дышал, с упоением втягивая в себя воздух. Потом исчезли круги перед глазами, и появилась возможность видеть. Стражник сел, рука сама собой потянулась к ножнам.

– А вот этого не надо, любезный! – остановил его чей-то вкрадчивый голос.

Пальцы, уже обхватившие рукоять, замерли. Анико осторожно огляделся.

Лумми был рядом – лежал на земле, зыря по сторонам налитыми кровью глазами, но не шевелился. Высокий молодой мужчина, явно из благородных, с усмешкой смотрел на стражей порядка. За аристократом стояла эффектная черноволосая женщина ему под стать, а рыжий воришка жался к его ногам.

Стражник набрал в грудь воздуха, подбирая подходящую случаю фразу, и не нашел ее. Слишком уж абсурдная и непонятая ситуация – явно чародейское нападение на патруль внутри Серебряного кольца. И кем совершено? Этим вот аристократом? Или же, наоборот, он помог? Похоже, за то недолгое время, пока стражник боролся за глоток воздуха, успело многое произойти. Сперва необходимо разобраться. В деле с такими вот богатыми и благородными ошибки в словах и поведении недопустимы – отомстят. Что-то не хочется всю оставшуюся жизнь нести службу где-нибудь в захолустном гарнизоне. Аристократ не дал возможности собраться с мыслями.

– Произошло недоразумение, – заявил он. – Билет у мальчугана не ворованный. Вы можете спокойно продолжать службу, вот вам на прачку – ваша форма, кажется, испачкалась. – С этими словами мужчина протянул стражникам две золотые монеты.

Лумми все так же молчал и не двигался. Но таращился на сияющие красным в лучах вечернего солнца кругляши с явным изумлением. Огромная сумма, не соответствующая нанесенному урону. Анико стало абсолютно ясно: что-то здесь не так. Будь монеты серебряными, тогда еще ладно, но золото? Впрочем, его рука сама собой потянулась вперед и сгребла деньги, не спросив хозяина. Вокруг собралась толпа зевак, окруживших стражников и виновников происшествия плотным кольцом.

– Представьтесь, пожалуйста, и позвольте проверить вашу метку, – лишь сумел выдавить Анико, сбившись с уставной фразы.

Аристократ усмехнулся, и Анико тут же пожалел, что полез с расспросами. Когда берешь деньги, не стоит проявлять служебное рвение. Осознав это, он покраснел.

– Без проблем. Мое имя Никос.

Почти не слушая, скомканно извинившись, стражник подался назад, по пути пихнув локтем Лумми, чтобы тоже пошевеливался. Речи о том, чтобы проверить мальчишку, даже не зашло.

Глава 4

Оболиус. В сказке

Оболиус сел на краешек обитой кожей мягкой скамейки и воровато схватил крендель из вазы, постаравшись как можно быстрее затолкать его за пазуху. В этой огромной, богато украшенной зале – гостиничном номере, куда его поселили, – он был один, лишь с картин, в большом количестве висящих на стенах, с укоризной смотрели какие-то благородные. Стол ломился от незнакомых, очень аппетитно пахнущих яств, причем накрыли его специально для парня, но привычка брала свое. Слишком уж отличался гостиничный номер Серебряного кольца от тех, что Оболиус видел в своей жизни. Парень не боялся, что придется платить за все это великолепие, он проверил – уже за все заплачено. Но ведь даже если налопаться сейчас до отвала, то все равно много не съесть. А крендель слишком хорош, чтобы оставлять его здесь. Пожалуй, даже стоит припрятать побольше. Нужно ловить момент, пока есть возможность!

Вообще картина складывалась нереальная. Когда один стражник схватил Оболиуса за руку, а другой выдернул из пальцев билет, в его душе поднялась настоящая ярость. «Бесполезные наглые мерзавцы!» – билось в сознании. Ничего, он теперь умеет постоять за себя и знает, что надо делать. Сейчас он им покажет!

Тот, который отобрал билет, тяжело свалился на землю и захрипел. Можно сжать нити сильнее и придушить его насовсем или даже отрезать голову. Не ко времени мелькнула мысль, что на такое может не хватить сил и надо потренироваться на глиняном горшке – раздавит его нить или нет.

Дальше все пошло не так – со вторым стражником не получилось. Во-первых, держать сразу несколько нитей тяжело. В спокойной обстановке получалось, но сейчас, когда второй стражник больно выкручивал руку, настрой все время сбивался. Во-вторых, тот стоял сзади, так что его шею не было видно, а действовать вслепую... В общем, ничего не выходило. Оболиус снова оказался в ситуации, когда он слаб и беззащитен, и это до безумия испугало его.

На грани паники, он попробовал обмануть стражника, что держал его, пригрозив наслать проклятие, но даже сам услышал, насколько жалко звучит его голос, дрожащий от боли и слез. Напротив, дядька рассвирепел еще сильнее и дернул мальчишку так, что в руке что-то хрустнуло, и острая боль волной затопила тело.

Внезапно какая-то сила вырвала невидимую удавку из пальцев Оболиуса – ту самую, что душила первого стражника. И в тот же миг сам Рыжик, как его любили дразнить в родном городе, освободился от захвата второго, оказавшись вне его досягаемости. Что произошло, он не понял, но истинным зрением заметил чужие искусные нити, опутывающие стражников, точно паутина. Надо сказать, точно такие же висели и на нем самом.

«Учитель?» – мелькнула мысль, приправленная завистью к такому результату, но, оглядевшись, Толлеуса мальчишка не увидел. Зато рядом стоял высокий богатый дядька, а его спутница – очень красивая, надо сказать, что-то шептала ему на ухо.

Кордосцы?.. Нет, на искусников не похожи. Жезлов не видно ни у мужчины, ни у женщины.

Богатые и знатные, те, кого принято называть господином и госпожой, пугали сильнее стражников, и уж чего-чего, а хорошего от них точно не стоило ожидать. Таким лучше на

глаза не попадаться, потому что если заметят, то скривятся так, будто увидели что-то вроде ожившей коровьей лепешки. Неприятно, аж до костей пробирает. А их слуги ни за что поколотить могут, и ничего им за это не будет.

Можно, конечно, воспользовавшись моментом, рвануть удерживающие нити, тихонько юркнуть за спины появившихся зевак и бежать подальше от этого места. Вот только до слез жалко оставлять злополучный билет, который сиротливо лежал на земле почти в центре образованного зрителями круга, в опасной близости от стражников. Оболиус замер в нерешительности, жадность боролась в нем со здравым смыслом. В итоге сбежать не успел. То мгновение, что он потратил на раздумья, безвозвратно ушло. Аристократ повернулся к мальчишке, улыбнулся и заговорил. Причем по-доброму, как с равным.

Дальнейшее Оболиус почему-то запомнил смутно, поскольку происходящее не шло ни в какие рамки. Дядька, представившийся Никосом, расспрашивал: кто, откуда, как здесь оказался и где взял билет. Мальчишка отвечал напряженно, но правдиво, при этом силясь понять, что происходит. А потом аристократ дал стражникам денег, а Оболиуса пригласил в свой экипаж, пообещав вылечить руку, которая отказывалась слушаться и жутко болела.

В итоге подросток обнаружил себя уже в дорогой карете в компании Никоса и его спутницы, представившейся Кариной. Про лошадь Оболиуса тоже не забыли – она послушно трусила следом, привязанная за поводья. И руку Никос вылечил, как и обещал. Раз – и все в порядке. Неудивительно, что отделаться от чувства нереальности происходящего никак не получалось.

Сам не понимая, с чего бы это, но Оболиус разоткровенничался. Рассказал и о себе, и о Толлеусе, и о своих впечатлениях от Турнира. Даже поведал о том, как не спал в первые ночи, опасаясь, что старик его съест. Ничего не утаил. Никос понимающе кивал и совсем не смеялся. Вообще аристократ поразил Оболиуса до глубины души: он оказался и чародеем и искусником одновременно. Сам себя он называл мейхом, но насколько мальчишка понял, это как раз и означает подобную смесь. Как такое может быть, в голове не укладывалось. А Никос на все вопросы лишь загадочно усмехался и говорил, что Кордос и Оробос – две половинки единого целого, ущербные друг без друга. Это вовсе звучало как насмешка над всем тем, что парень знал с детства. Впрочем, возражать он не смел.

Карина тоже отнеслась к мальчишке с сочувствием, даже с кем-то связывалась через амулет, пытаясь выяснить судьбу учителя. Она оказалась чародейкой из благородных, почти всю жизнь прожила в столице, но кощунственные речи Никоса ее почему-то не возмущали. В конце концов Оболиус даже перестал задумываться над этим вопросом, чтобы не сломать от напряжения мозга.

А потом Никос что-то делал с аурой мальчишки, пообещав, что после этого работать с плетениями будет гораздо легче, и попутно давал советы и показывал, как нужно напрягать ауру в процессе – олитонец еле запомнил сложное слово – магичинья.

Еще Никос пообещал разузнать о его учителе и, если удастся, помочь. Было бы неплохо, чтобы старика отпустили, но в глубине души Оболиус надеялся, что место старого кордосца в его жизни займет этот молодой аристократ, который соединил воедино чародейство и Искусство. Сказка? Все остальное, что случилось сегодня, – тоже сказка. Так почему бы не сбыться этой фантазии тоже? Уснул Оболиус не на сеновале, а на пуховой перине, не уверенный в завтрашнем дне, но полный самых радужных надежд.

Глава 5

Толлеус. Дорога домой

Как Толлеус и предполагал, утром за ним пришли. Хорошо хоть завтраком покормили и принесли воду, чтобы помыться. А то в самом деле эдак и завшиветь недолго. Вот стыд-то был бы!

Нынче не было ни Маркуса, ни приехавшего из Кордоса дознавателя – только двое искусников из посольства. Старик знал их обоих. Насупившись, поздоровался. Они, в свою очередь, тоже вели себя мирно. Посохи, конечно, держали наготове, но позвали на выход вполне добродушно. А пока выходили во двор, один даже искренне поблагодарил Толлеуса за выступление и сказал, что весь город по этому поводу до сих пор шумит.

Еще бы! Искусники никогда прежде не участвовали в таких турнирах. Они вообще не умели делать големов – это всегда было козырем чародеев в их споре с искусниками. А тут такой эффектный дебют!

Во дворе от свежего воздуха у старика слегка закружилась голова. Отвык. Утреннее солнце тоже показалось чересчур ярким. Как назло, родного посоха, который практически всю жизнь был рядом и в случае чего мог послужить опорой, в руках не оказалось. Старик покачнулся и всенепременно упал бы, если бы внимательные провожатые не подхватили его под локти и не помогли забраться в карету.

Последняя выглядела весьма внушительно – маленькая крепость на колесах, а не карета. Конечно, это не обитый железом фургон, определенное изящество и плавность линий присутствовали, но все-таки конструкция явно крепче обычной, колеса мощнее. А уж если смотреть в истинном зрении, то и подавно. Понимающий человек мог только присвистнуть. Толлеус же как раз из таких. По долгу службы он не только настраивал манонасосы, подключенные к узникам тюрьмы, но также отвечал за безопасность всего заведения. Поэтому смог по достоинству оценить защитные контуры кареты. Интересно было бы узнать, есть ли защита для лошадей и если да, то какая? Увы, выглянуть наружу, чтобы оценить обстановку, точно не удастся. Может, позже? Не сидеть же здесь безвылазно целую неделю? Должны же выпускать по нужде, перекусить и на ночевку?

В карете на переднем диванчике уже сидел давешний дознаватель – худой ллэр с мешками под глазами на грустном лице. Толлеус вздохнул. Он еще не отошел от ночного допроса, чтобы сразу же угодить на следующий. Впрочем, возможно, Тристис Имаген его просто сопровождает и заодно приглядывает.

Качнуло. Старик догадался, что они тронулись в путь. Сыскарь даже не дал ему времени хорошенько оглядеться – сразу же взялся за старое. Так что надеждам на спокойное путешествие явно не суждено сбыться. Впрочем, нынче, судя по всему, никто не удосужился обработать искусника плетениями. По крайней мере, он ничего не заметил и не почувствовал.

Тристис выудил из кармана какой-то предмет и, зажав его между двумя пальцами, продемонстрировал искуснику:

– Вы узнаете эту пряжку?

Несмотря на огромное количество телесных недугов, буквально сводящих его в могилу, на плохую память Толлеус не жаловался, поэтому сразу же узнал вещь, которая когда-то принадлежала таинственному пленнику, тридцать лет пролежавшему в отключке на

тюремном ложе. Тем более что пряжка приметная, тонкой работы. Выходит, он был прав в своих предположениях: она все это время покоилась в сундуке с барахлом, который он прихватил, не разбирая, когда покидал родной дом. Сыскари, похоже, ночь не спали, сразу после допроса бросились копаться в его вещах – и пожалуйста, нашли.

– Да. Это она, – не стал отнекиваться искусник.

Тристис лишь кивнул. Очевидно, он ни секунды в этом не сомневался, спросил для проформы, отдавая дань традиции.

Зато дальше допрос свернул явно в непрофессиональное русло. Сыщик был чересчур эмоционален и все тер опухшие глаза. Толлеус, который тоже не выспался и безумно устал, злился. Поэтому отвечал на повышенных тонах, отчего его целительский жилет вынужден был работать в активном режиме.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы разговор не был прерван самым неожиданным образом.

Глава 6

Тристис Имаген. Неожиданная встреча

Многие люди любят жаловаться на судьбу. Чаще незаслуженно, по пустякам. Тристис Имаген такое право заслужил, но практически им не пользовался. Это нерационально, а значит, лишено смысла. На заре своей карьеры подающий большие надежды амбициозный юноша, выпускник Академии Искусства, поступил на службу в имперский сыск и, не имея за душой протекции сильных мира сего и капитала, за каких-то десять лет сделал великолепную карьеру, взобравшись очень высоко. А потом взялся за дело, которое не стоило трогать, и раскрутил его. Поэтому, вместо того чтобы получить награды и повышение, следующие пятнадцать лет он провел в захолустном городишке Маркин, расследуя в близлежащих деревнях обычную бытовуху.

Такие перипетии судьбы не прошли даром – на лице Тристиса навсегда поселилось выражение вселенской усталости и печали, а в кармане прописалась маленькая фляга с алкоголем. Однако никто бы не посмел сказать, что он опустился. Ум остался по-прежнему острым, тело не заплыло жиром – напротив, Имаген был скорее тощ и жилист. Даже пресловутая фляга с настойкой выполняла не столько привычную задачу, сколько была нужна для бодрости – в ней хватало различных тонизирующих ингредиентов. По крайней мере, за все пятнадцать лет никто не видел сыщика пьяным, он контролировал свое состояние, хотя в трудные моменты любил сделать лишний глоточек.

А потом произошло событие, потрясшее сон со всей империи. Из маркинской тюрьмы сбежали плененные оробосские военные чародеи, устроив в городе настоящий погром. Даже бросившийся по следу легендарный отряд СИ – искусников специального назначения, обученных ловить таких опасных противников, вернулся ни с чем. Было в этом деле много странностей, неясностей, нестыковок. Больше всего вопросов вызывал один из сбежавших. В бумагах он числился слабым чародеем, но при детальном изучении явно оказался не так прост. Комиссия, примчавшаяся из столицы для расследования инцидента, пребывала в растерянности, а Тристис смог принести пользу, подав несколько идей. Его заметили. Он очень рассчитывал на этой волне вырваться из провинциального болота, но руководство не спешило реабилитировать неугодного. Зато с ним на связь вышел представитель оппозиционной фракции. На самой вершине власти, скрытая от глаз простого обывателя, шла грызня между академиками Искусства – истинными повелителями Кордоса, стоящими за спиной марионеточного императора. В результате Имаген получил высокую должность и кучу проблем. С момента своего назначения он был вынужден мотаться по свету, подчиняясь приказам неведомого покровителя. Тристис прилежно выполнял все поручения, надеясь, что это проверка, что его вот-вот позовут обратно в столицу, – все-таки он уже не мальчик, чтобы с пятеркой подчиненных колесить по странам, как обычный полевой агент. Под конец, оказавшись в Широтоне, воспользовавшись тем, что Кордос не имеет прямой связи со своим посольством, он с подвернувшейся оказией поехал в Терсус – восстанавливать былые связи и своим появлением намекнуть хозяевам, что пора заканчивать с путешествиями.

Карета мягко глотала неровности дороги. Если бы не звонкий цокот копыт по камню, можно было бы подумать, что едешь в паланкине. Оказия в виде пузатого старика с лысой, как колено, головой, в настоящий момент сидела на диванчике напротив, с тоской поглядывая в небольшое окошко в дверце кареты. Вчера, а точнее даже ночью, его

допрашивали. Бывший настройщик манонасосов маркинской тюрьмы считался важным свидетелем, но, признаться, сыщик не возлагал больших надежд, когда проводил дознание. Неожиданно разговор вывел на странного вида пряжку для ремня – предположительно один из амулетов, принадлежащих таинственному пленнику и представлявших большой интерес. Тристис сразу же рванул за амулетом в Бронзовое кольцо – квартал купцов и ремесленников, где располагалась мастерская искусника, а остаток ночи потратил на его изучение всеми возможными средствами. Надо сказать, результаты были интригующие. Вещица требовала более тщательного изучения в академии.

Бессонная ночь давала о себе знать. Имаген клевал носом, но все же он решил, не откладывая дело на потом, еще раз расспросить старика, которого вез в Кордос. После разговора его можно будет усыпить хоть до самого Терсуса, чтобы не наделал глупостей в дороге, и расслабиться самому.

Внезапно закрытая изнутри дверца кареты на мгновение распахнулась сама собой, после чего с громким стуком снова захлопнулась.

– Что это было? – встрепнулся Тристис.

Такого быть не должно. Что-то не так.

– Это был я! – раздался знакомый голос, и на диванчике напротив рядом со стариком из воздуха материализовался Никос, тот самый таинственный «слабый чародей».

Сыщик инстинктивно потянулся к своему жезлу, спрятанному в поясе, но тут же отдернул руку. Не ему с его скромными талантами искусника тягаться с этим человеком. К тому же задание у него – не поймать и обезвредить, а получить информацию.

– Правильно, не стоит, – кивнул визитер, заметив его движение.

Второй раз судьба свела Тристиса с этим молодым мужчиной, и вновь сыщик выступал в роли пленника. «Вряд ли появится другая возможность поговорить, – подумал он, – так что нужно пользоваться ситуацией. Главное, не наглеть: дружелюбный тон, невинные вопросы, по возможности честные ответы. Впрочем, с последним вряд ли выйдет по-другому. Наверняка будет искусная проверка на правду. Или вовсе прямой допрос». Последняя мысль вызвала тревогу. Мало того что такой разговор окажется бесполезен для самого Тристиса, так после него запросто можно оказаться с напрочь разрушенной личностью и кашей вместо мозгов.

Прошло всего несколько секунд, и Никос все еще молчал. Чтобы как можно скорее завязать диалог и по возможности управлять его ходом, Имаген спросил о судьбе охранников, которые сопровождали экипаж. Парень ответил, не проигнорировал собеседника – это был очень хороший знак. Вторым хорошим знаком было то, что охрана в порядке, насколько подобное возможно. Это радовало, вселяя надежду на удачное разрешение ситуации.

Воспользовавшись короткой паузой, пока Тристис выглядывал в окошко, Никос перехватил нить беседы, интересуясь следующим: «Что здесь делает маркинский сыщик?» Это нормально, ибо не грех напомнить себе еще раз: наглеть не стоит, сразу же засыпая собеседника вопросами. А еще это свидетельствует о том, что незваный гость плохо информирован и не в курсе ситуации. Хорошо. Сыщик ответил специально расплывчато, чтобы проверить свои догадки, а заодно посмотреть на реакцию гостя.

Никос проявил дедуктивные способности, сложив два и два и догадавшись, что причина в Толлеусе, который пока не проронил ни звука, но при этом едва не шевелил ушами, стараясь не пропустить ни слова и явно надеясь как-то использовать ситуацию в свою пользу. Тристису сейчас было не до старика. Все внимание он сосредоточил на Никосе. По

всему выходило, что тот не умеет грамотно проводить дознание, в настоящий момент не агрессивен, а значит, у сыщика неплохие шансы переиграть его на этом поле. Единственное, что ему не понравилось и заставило поморщиться, – некоторая развязность в поведении парня. Причем явно наигранная.

Гость настойчиво спросил, зачем кордосцы арестовали своего чемпиона, принесшего им очки на политической арене в вечном противостоянии с Оробосом. Имаген взвесил «за» и «против» и решил рискнуть и проверить, насколько далеко готов зайти этот искусник-чародей, как поведет себя при отказе. Поэтому ответил вопросом на вопрос: «Я обязан отвечать?» И с радостью услышал: «Да нет в общем-то. Интерес праздный». Итак, Тристис уяснил все, что хотел, и приготовился к содержательному разговору.

К сожалению, Никос все-таки заметил свою пряжку, которую сыщик старательно прикрывал ладонью, и забрал ее. Впрочем, Тристис не обольщался: коли парень пришел сюда не за Толлеусом, то конечно же за этой вещицей. Как-то он узнал о ней. Может быть, недавние манипуляции с артефактом отправили хозяину какой-то сигнал? Очень жаль, но потеря амулета закономерна.

– Удовлетворите мое любопытство? – пошел в атаку Имаген, перехватывая инициативу. – Для чего нужен этот амулет?

Никос пояснил, что амулет является хранилищем информации. Правда, тут же добавил, что «там ничего особенного», но сыщик пропустил это заявление мимо ушей. Ясно же, что врет, иначе не было бы и этой встречи. Еще парень сказал, что амулет не работает. В это Тристис поверил – следов маны ни ему, ни двум профессорам Искусства обнаружить не удалось.

Воспользовавшись благодушным настроением собеседника, сыщик попробовал закинуть удочку на тему технологии, с помощью которой был изготовлен данный амулет, но, похоже, коснулся секретных сведений. Потому что Никос перестал довольно улыбаться, отказался отвечать и вспомнил, что это он здесь задает вопросы.

Разумеется, его интересовали в первую очередь другие пропавшие вещи. Тристис рассказывал без утайки. Во-первых, ничего секретного в этом нет, во-вторых, нужно снова расслабить собеседника.

Общение затягивалось, Никос продолжал хмуриться. Так что когда он наконец замолчал, Тристис решил ослабить напор. Нет, конечно, вопросов в голове полным-полно, но сейчас они явно неуместны, можно вызвать приступ раздражения. К тому же лошади продолжают везти карету, и скоро оробосский кордон. Если Никос планирует разойтись миром, а сыщик считал, что угадал насчет этого, то он должен покинуть карету до того, как стражники устроят проверку. Если же его заболтать, то постовые могут спровоцировать незваного визитера на какие-нибудь необдуманные действия, что также может вызвать ответный удар чародеев по карете. Само собой, оробосцы не дураки и попытаются сперва выяснить, что происходит, прежде чем начнут махать мечом направо и налево. Но все-таки зачем рисковать, при этом выставляя Кордос в неприглядном свете?

Похоже, Никос крепко задумался, а время идет. Поерзав на сиденье, Тристис привлек к себе внимание и невинно спросил:

– И что будем делать?

– А что вы предлагаете? – тут же отозвался парень.

Похоже, как раз об этом он и думал последние минуты.

Сыщик тотчас озвучил наиболее приемлемый, с его точки зрения, вариант,

учитывающий все реалии. Увы, не сработало. Никос явно собрался мелко напакостить, отпустив на свободу Толлеуса. Терять настройщика в планы Тристиса не входило, хватит с парня и амулета. Однако мягкие увещевания ни к чему не привели. Потом они и вовсе надоели Никосу, и он взмахом руки закончил дискуссию.

А потом он удивил сыщика до глубины души, предложив обменяться рукопожатием, после чего перед глазами появились какие-то полупрозрачные надписи. Никос, явно довольный собой, прочел небольшую лекцию по использованию, пояснив, что это нужно для связи с ним на случай, если прояснится судьба других его амулетов.

Тристис сам хотел попросить оставить какие-нибудь координаты для связи, даже не надеясь на успех. Казалось бы, нужно радоваться – вот оно, средство общения! Однако предложенный метод ему откровенно не нравился: наверняка там присутствуют какие-нибудь скрытые закладки вроде подслушивания. А может быть даже, прямое зомбирование на выполнение какого-то действия в определенный момент. С другой стороны, ничто не помешало бы Никосу сделать все то же самое, только без возможности с ним связаться. Так что выбирать не приходится. Тристис попытался по максимуму расспросить о том, что же это за способ общения, который никто не сможет обнаружить и перехватить, но, как и следовало ожидать, никаких объяснений не получил. Оставалось надеяться, что данное внедрение не обнаружат при проверке, которая наверняка будет, иначе прощай карьера.

Когда с деталями было покончено, Никос засобирался и даже вежливо попрощался.

– Постойте! Я обязан попытаться задержать вас! – в отчаянии крикнул Тристис вслед, непрозрачно намекая, что совсем не хочет погибнуть от ответного удара, но и свой долг обязан исполнить.

К счастью, Никос все понял.

– Да без проблем! – услышал сыщик, уже засыпая.

Глава 7

Толлеус. Шанс

Толлеус пребывал в легком ступоре с той самой минуты, как его бывший пленник материализовался в карете. Когда в Маркине рушилась комендатура, старик получил удивительные видения об амулетах и технологиях, которые, как он справедливо полагал, помогли бы ему поправить здоровье и продлить жизнь. Это были воспоминания человека, который сейчас сидел рядом с ним. Бывший настройщик манонасосов не рассчитывал встретиться с ним еще раз, чтобы расспросить, но надеялся, что сможет найти в Оробосе что-нибудь из того, с чем ему довелось столкнуться в видениях. Именно за этим он отправился в пугающую страну чародеев и все время своего пребывания там прилежно занимался поисками, забывая о сне и пище. Что-то даже нашел. Вояж можно было считать удачным до того момента, пока его не арестовали и не отправили под охраной на родину. И вот теперь эта неожиданная встреча. Казалось бы, какая удача: спрашивай, узнавай! Вот только Толлеус сейчас сам в роли пленника и мечтает не о тайных знаниях, а об элементарной свободе. Нет, конечно, он не забыл, что искал все это время. Но как в такой ситуации разговаривать? К подобной встрече нужно готовиться, продумывая, как себя вести, что спрашивать, как торговаться. Он не готов!

Впрочем, судьба сама вела старого искусника, не требуя от него инициативы. По крайней мере, Никос без всяких просьб и подсказок поинтересовался, не желает ли арестант покинуть гостеприимную карету. Разумеется, желает!

Оказавшись на улице, скрытые пологом невидимости от посторонних глаз, Толлеус и Никос поспешили свернуть за угол дома. Тут как раз и охранники, до поры ехавшие истуканами в седлах, очнулись и кинулись восстанавливать порядок. Один склонился над внезапно уснувшим столичным дознавателем, второй, нещадно прищпоривая коня, помчался за подмогой. Двое принялись шарить по окрестностям – надеялись, дураки, найти сбежавших. Один на свою беду почти нашел, но Никос не стал его убивать, лишь преобразился в какое-то мохнатое клыкастое чудовище и, более не скрываемый плетением, душераздирающе заревел. По старику ударила волна настоящей жути, но времени испугаться не хватило, а миг спустя все уже кончилось, оставив после себя камень в желудке и дрожь в конечностях. Толлеус отчего-то решил, что это какая-то чародейская техника по изменению тела, хотя логичнее было предположить простое внушение. Оказалось, искусная иллюзия, только очень качественная.

Толлеус смутно представлял себе, как убегать от погони, которая наверняка будет, и куда вообще бежать. Понятно, что невидимость не спасет, – искать будут с помощью Искусства.

Едва они с Никосом прошли квартал, как перед ними возникли ворота, за которыми начиналось Бронзовое кольцо – вотчина купцов и ремесленников. Оказывается, карета уехала от посольства не так далеко, как Толлеус полагал. По опыту искусник знал, что буквально сразу за стеной облик города кардинально меняется: здесь, в Серебряном кольце, сплошь дорогие виллы и особняки аристократов, а снаружи домики, лавочки и мастерские. Приличные, ухоженные, но по большей части деревянные, жмущиеся друг к другу, не идущие ни в какое сравнение с каменными почти дворцами, утопающими в садах за высокими заборами, что остались за спиной. Также искусник знал, что у ворот дежурят крайне неприветливые вояки, сияющие парадными доспехами, начищенными до зеркального блеска.

Толлеус решил полностью положиться в вопросе запутывания ищек на своего спасителя. Вести разговоры с капитаном стражи он тоже не собирался. Впрочем, тут же выяснилось, что Никос также не планировал этого делать. Он и Толлеус просто прошли мимо воинов, которые даже не моргнули, не скосили глаз в их сторону. Странно, с такого расстояния должны были обнаружить, даже несмотря на невидимость. Это все-таки стратегический пост, а не просто караулка. Очевидно, какая-то чародейская техника. Во всяком случае никаких новых плетений искусник не заметил. Неплохо, даже отлично. Однако все равно следует хотя бы ускориться. Кордосский охранник уже наверняка достиг посольства и галопом возвращается с подкреплением.

Увы, идти приходилось пешком, причем без посоха, и это оказалось удивительно неудобно. Бывшему настройщику манонасосов чудилось, что он вот-вот упадет без привычной дополнительной опоры. Так что сейчас Толлеуса в первую очередь интересовало, как бы передвигаться побыстрее. Чтобы не клюнуть носом на мощеную мостовую, не напрягать старые ноги, каждый шаг встречающие болью в коленях, да и просто чтобы побыстрее. Как идеальное решение проблемы виделся Паук – шестиногий голем, с которым искусник участвовал в Турнире гоголемов. Увы, тот навсегда потерял своего хозяина – кордосцы его никогда не отдадут. Можно сделать нового, были бы деньги. Вот только такой управляющий амулет, какой стоял там, нигде не достанешь. Разве что опять использовать сундук, набитый обычными амулетами. Да и тех в Орбосе днем с огнем не сыщешь.

Мечты о големе нарушил сам голем, материализовавшись из воздуха перед носом. Толлеус от неожиданности хрюкнул, но тут же рассмотрел, что это не его Паук, а полностью искусная копия. Очевидно, Никос постарался. Старик знал, что возможно создать такого. Но сам не пытался. Во-первых, сложно. Тут ведь для каждой детали, по сути, нужно отдельное плетение разрабатывать, а это та еще работенка. Во-вторых, маны такая конструкция будет потреблять значительно больше, нежели материальный голем, у которого мана тратится лишь на движение. И в-третьих, искусный голем не имеет веса – для него пришлось бы заново рассчитывать все движения. На подобную работу старик потратил месяц. Но удобно, что ни говори. Понадобился голем – активировал амулет, вызвал. Больше не нужен – развеял. Не надо заморачиваться с транспортировкой. Пожалуй, стоит не пожалеть времени, сделать себе такого же, если вдруг – Толлеус саркастически усмехнулся – когда-нибудь решится вопрос вечной нехватки маны.

Мысль о мане расстроила, заставила тяжело вздохнуть. Старик непроизвольно коснулся ладонью целительского жилета. Манокристаллов нет, запас в ауре от силы на день, а потом смерть – можно было никуда не бежать.

Впрочем, как заметил искусник, голем не обладал накопителями, а получал ману как будто из воздуха. Как это работает, непонятно, но если присмотреться – со всех сторон к Пауку тянулись крохотные каналы маны, похожие на воронки, раструбы которых растворялись в вышине, а ножки упирались в конструкцию. Похоже, Никос умеет экономить свои запасы, черпая откуда-то извне. Где это и что это, неясно, но если мана идет, как сейчас, подключиться несложно. Воровство? Как сказать. Видно же, что голему столько не надо: излишки рассеиваются полупрозрачным облачком, видимым в истинном зрении. Потери. Так отчего бы не подобрать ненужное?

Конечно, подбирать то, что сбросил шестиног, гораздо сложнее. Проще тянуть напрямую из канала, в итоге меньше потеряется. Но это уже может быть интерпретировано Никосом как воровство. Если заметит...

Чтобы спаситель не заметил, Толлеус сформировал плетение прямо внутри своего жилета, и сбор маны пошел только из тех каналов, что на пути к голему пронизали тело искусника. Чтобы такое обнаружить, надо постараться, – плетения жилета экранируют надежно. Все-таки нехорошо и боязно, но как быть?

Вообще интересно, что хочет Никос от старого искусника? Для чего-то ведь он его спас. Наверное, Толлеус ему зачем-то нужен. А раз так, то он должен поделиться с ним толикой маны, иначе старик умрет и не сможет ничем помочь! Такими размышлениями бывший настройщик манонасосов успокоил свою совесть. Вроде как не крадет, а берет для дела, нужного самому владельцу маны.

Поняв, что лукавит сам с собой, Толлеус непроизвольно улыбнулся. Все же настроение заметно улучшилось: теперь с искусным големом ноги топтать не надо, маны в свою ауру можно позаимствовать на пару суток, а ведь день еще только начался, до вечера далеко!

– Куда едем? – спросил он бодро, повернувшись к Никосу, который пристроился за бортом в кресле.

Надо сказать, Толлеус приспособу оценил по достоинству. У него самого в жезле было подобное плетение, но попроще – банкетка, а не мягкое удобное кресло.

– В Серебряное кольцо. Там есть таверна, я покажу, где, в которой я снял комнату на несколько дней. Там, кстати, твой ученик живет. В общем-то для него я и снял комнату, – отозвался спаситель.

– Отлично! – довольно прищурился искусник. Новость о том, что Оболиус нашелся сам собой, вселяла оптимизм. – Только зачем тогда мы прошли через ворота?

– В Бронзовом кольце наблюдательных конструкторов и чародеев поменьше, – снизошел до объяснений Никос. – Объедем по кругу и через другие ворота вернемся.

Все-таки в управлении Паука и этого имелись отличия – искусный на старте дернулся так, что парень едва не свалился, от души ругнувшись. Старик тут же сбавил прыть: еще не хватало расшибить или просто разозлить своего спасителя. Нужно сперва приноровиться к особенностям нового средства передвижения.

Шестиног шагал чуть иначе, совершенно не лязгал металлом – лишь стучал лапами по брусчатке. Редкие пешеходы шарахались в стороны. Толлеус сперва нахмурился – это свидетели, которые не забудут такой картины. Хотел было предложить Никосу накинуть полог невидимости, который тот снял, едва они оказались в Бронзовом кольце, но потом подумал, что раз парень не использует невидимость, значит, решил вопрос иначе. Может, на ходу всем проходим память чистит. Сложнее, зато нет проблем с перемещением, ведь если люди не увидят голема, то и дорогу не уступят. В памяти еще свежи были воспоминания о том, как в Беллусе старик столкнулся со стражниками, загородившими дорогу, вывалился из бадьи и разбил нос, а после провел ночь в каталажке, пока служивые расследовали происшествие.

Сперва Никос голосом предупреждал, где следует повернуть, но ему быстро это надоело, и перед носом Толлеуса повисла иллюзорная стрелка, показывающая, в какую сторону надо двигаться. Старик лишь одобрительно хмыкнул: еще бы путеводную нить по улицам проложить. Однако ее могут заметить те, кому ее лучше не видеть, так что обойдется.

Застава на выезде из Серебряного кольца, десятью минутами ранее

Ювен подсочил как ужаленный, хотя ласковое солнышко и беззаботные трели пичуги в клетке совсем не располагали к таким прыжкам. Причины для спешки были – конструкты-надзиратели на неожиданном направлении от Серебряного кольца дружно посходили с ума, успев лишь пискнуть сигнал тревоги хозяину. А конструкты-защитники, выдвинувшись в проблемный участок, просто приказали долго жить.

Ювен пару секунд потратил на концентрацию и создание нескольких конструктов, выстроивших над его головой пентаграмму – собственная безопасность прежде всего! Далее настал черед «Ока». Юркий конструкт стрелой ринулся из кельи привратной башни.

К удивлению, снаружи ничего необычного не происходило. Там не кипел жаркий бой, вообще ничего подозрительного не наблюдалось. Это несколько обескураживало.

Аурные поисковики – новые конструкты-надзиратели, которых Ювен уже наплодил изрядно, – стаяй кинулись изучать проблемную зону. Почти сразу их постигла судьба предшественников. Однако Ювен понял, что враги не подкрадываются большой толпой, прячась в окрестностях. Или же прячут свои ауры, что гораздо хуже.

Тем временем пасторальную картину замечательного утра по-прежнему ничто не нарушало. Улицы практически пустые. По другую сторону стены, в Бронзовом кольце, пешеходы есть, но далеко, и как раз там в чародейском плане все спокойно. Светло и тепло – ночная прохлада уже отступила, а дневная жара еще не навалилась толстым одеялом. Ветра нет совсем – затишье. Где-то далеко ржет конь, звякают кирасами стражники, лениво переругиваясь.

Нахмурившись, Ювен скользил взглядом по заборам ближайших вилл. Он уже выглядывал в окно, не доверяя плохонькому изображению, передаваемому «Оком».

Показалась парочка пешеходов, неторопливо направлявшихся к заставе. Молодой высокий аристократ в дорогой одежде, рядом пыхтит, прихрамывая, лысый пузатый старикашка. Для слуги слишком стар, для родственника одет слишком бедно. Аурное зрение действовало, и чародей понял, что парочка непростая. Выходит, они виновники невидимого переполоха? Как-то не вяжется вид деда с образом лихого налетчика. Доложить словесно о нештатной ситуации в «Недремлющее Око», сотрудником которого Ювен являлся, некогда. Нужно наблюдать дальше и попытаться понять, что происходит. Однако известить руководство необходимо. Ювен прикоснулся к Сути Мира и отправил сигнал. Сейчас стража остановит эту парочку, тогда всенепременно что-то прояснится.

Чародей приготовился к внезапной атаке, но он ошибся. Атака была, но опять-таки исключительно в чародейском плане, и Ювен ее проморгал. Вот вроде бы только что путники подходили к воротам, а в следующий миг их уже нет. И не потому, что они спрятались от глаз с помощью Искусства или юркнули за выступ стены, – просто враг одномоментно «выключил» всех караульных, в том числе и самого Ювена. Единственно он очнулся чуть раньше простых вояк и сумел по достоинству оценить и остатки того плетения, которое окутывало всю башню и которое сейчас дружно пожирала его защитные конструкты, и состояние стражников внизу: те стояли пустыми куклами, пялясь в никуда.

Искусство! Это очень серьезно. Пусть ничего страшного как будто не произошло, но это настоящая боевая тревога! И еще одно послание отправилось через Суть Мира в координационный центр нештатных ситуаций.

Что же теперь? Ювен не собирался сидеть сложа руки. Стая поисковых конструкторов широким веером ринулась в погоню по улицам города, наблюдатели взмыли вверх и тоже потянулись вслед за первой партией. Они будут с высоты передавать изображение, осуществляя альтернативное наблюдение. Третья стая пошла по баллистической дуге ко всем заставам Серебряного и Бронзового колец.

Чародей все так же стоял возле открытого окна, и солнце светило ему прямо в глаза. Птичка все так же беззаботно щебетала в клетке, стражники, очнувшись, терли затуманенные глаза, силясь понять, что за наваждение на них нашло. Ювен ничего этого не видел и не слышал. В башне осталось лишь его тело, разум был с созданными конструктами, стремительно мчащимися по улицам просыпающегося города. Ага, на одной из улочек поисковики быстро дохнут, знакомая картина! Несколько наблюдателей подтянулись в тот район, на всякий случай забравшись еще выше. Чародей сотворил их в спешке и сразу много, поэтому качество было, мягко говоря, так себе. Однако давешнюю парочку он узнал. Аристократ и старикашка, распугивая прохожих, нагло ехали на искусном големе – том самом, с Турнира, о котором все говорят. Откуда взялся голем, непонятно. Да и не так сейчас важно. Главное, что теперь легко можно отследить маршрут искусников.

Ювен очнулся от транса, болезненно зажмурился, ослепленный солнечным лучом, сквозь круги перед глазами практически на ощупь добрался до стула и сейчас же стал пытаться установить полноценный сеанс связи с центром. Ответ пришел незамедлительно, но обескуражил чародея до глубины души: его поблагодарили за работу и... отменили поднятую тревогу.

Глава 9

Оболиус. Учителя

Не сказать что Оболиус не обрадовался появлению старого учителя. Парень верил в справедливость и считал нечестным, что старика арестовали. Однако очень быстро выяснилось, что Никос не собирается оставлять оробосского мальчишку у себя, так же как не планирует брать в свою свиту Толлеуса (и через него – самого Оболиуса). Просто Рыжик как-то настроился на то, что теперь у него новый влиятельный учитель. Вроде бы все хорошо, гораздо лучше, чем, например, вчера. Вот только все равно внутреннее расстройство омрачает жизнь. Это как перед вечно голодным попрошайкой поставить на стол вкусности, кои бывают лишь по праздникам, а потом накормить его до отвала, но простой бедняцкой едой.

Старый искусник и мейх стали разговаривать. Оболиус, несмотря на юный возраст, каким-то внутренним чутьем уловил, что разговор этот очень важный и от него во многом зависит судьба его самого. Поэтому парень растопырил уши, ловя каждое слово. Но, как назло, Толлеус поспешил отправить своего помощника за отваром, а если точнее, то спроводить с глаз долой.

Тонкая резная дверь, что вела в номер, снятый господином Никосом, на удивление не пропускала звуки – напрасно Оболиус водил по ней ухом. Так что подслушать не вышло. Когда же он вернулся, выполнив поручение, в комнате перед стариком прямо в воздухе висела чуть светящаяся книга с какими-то рисунками и схемами, которые сами собой двигались и мигали, когда учитель к ним прикасался. Парень, уже привыкший ко всякого рода чудесам, находясь рядом с искусником, в другое время, может, и не обратил бы на эту книгу особого внимания. Но сейчас очень уж хотелось что-нибудь разузнать. В результате он так увлекся, что, будто трехлетний карапуз, запутался в собственных ногах, споткнулся и выронил кружку. Неизвестно, выпроводили бы его снова или нет, донеси он заказ до стола, но тут даже думать нечего – отправили еще раз. Хорошо хоть по шее не дали.

Выходя, Оболиус попытался оставить дверь приоткрытой, однако хитрость не удалась.

За беготней ученик искусника пропустил почти всю беседу. Есть отчего расстроиться. Правда, потом его все-таки допустили в комнату. Никос непонятно говорил про учебные книги, про амулеты и их искусную начинку. Кажется, делал подарки, не требуя ничего взамен. То ли традиция у его народа такая – помогать окружающим, то ли должен он что-то Толлеусу. По крайней мере, у Оболиуса сложилось впечатление, что кордосец и Никос знакомы не первый день.

А потом мейх внезапно засобирался. Перед уходом он даже обратился напрямую к Оболиусу, наказав стать великим мейхом, как сам Никос. Также он непрозрачно намекнул, что пора прекратить попытки известить кордосца на радость соотечественникам. Прямо так и сказал: «Никогда не обижай своего учителя, даже когда перерастешь его по силе и мастерству». И пригрозил проклятием за непослушание: «Иначе в душе кое-что сломается, что в конце концов приведет тебя к печальному концу».

Оболиус постоянно старался улучшить момент, чтобы тоже задать несколько вопросов. Когда Никос пошел к двери, парень понял: сейчас или никогда! Но едва он открыл рот, мейх повернулся и произнес странные слова:

– Как говорил один великий маг и волшебник: «Делай добро и бросай его в море».

Мальчишка сбился с мысли и вместо заготовленного вопроса выдал неожиданное:

– А зачем его бросать в море?

Никос объяснять не стал, велел думать самому и ушел.

Искусник после этого долго сидел молча и даже вслух не разговаривал, как он делал обычно, – только губы беззвучно шевелились. Оболиус успел пообедать, когда старик вдруг всплеснул руками и затеял плести какие-то плетения, явно суесться и тихонько ругаясь сам с собой. Плетение явно не получалось, поэтому старик досадливо хекал и остервенело тер затылок.

– Это что? – осторожно спросил помощник, когда Толлеус в очередной раз вздохнул и развеял свои наработки.

– Меня найдут, это несложно, – понизив голос, поведал учитель. – Надо подготовиться. Эх, маны мало, много тут не сочинишь. Да еще без родного посоха, через амулет как-то не так выходит почему-то.

– И что это плетение будет делать? – с проснувшимся любопытством спросил Оболиус и подвинулся поближе.

– Сильно не стукнуть, сил не хватит. Но чародеи в войну брали наших тем, что насылали целые полчища слабых мелких конструкторов, которые забивали защиту и если даже не перегружали ее, то вносили такое количество помех, что искусник внутри кокона практически слепнул. Вот я решил собрать плетение, которое будет делать сотни слабых ударов. Они и без защитного пузыря будут не страшны, но восприятие собьют точно так же. По крайней мере, должны.

– И что потом?

Толлеус поджал губы. Что будет «потом», он еще не придумал. Оболиус же, чуть поразмыслив, с недетской рассудительностью привел еще один довод:

– Ваше плетение сразу заметят – это раз. Два – на много слабых ударов все равно надо много маны, а три – ловить вас будет не один человек.

Бывший настройщик манонасосов опустил плечи:

– Я знаю.

Помолчали. Через какое-то время старик заговорил вновь:

– Но как же быть? Подскажи, если такой умный. Никос привел нас сюда, но дальше нам самим не выбраться. И в гостинице отсидеться тоже не получится. У меня даже нет денег, чтобы заплатить за этот номер. И маны почти не осталось. Недалек тот час, когда за мной придут, а я здесь... – Толлеус замялся, подыскивая подходящее сравнение. – Я здесь, как улитка посреди дороги. Самому мне не уползти с нее, не спрятаться, и совсем скоро жаркое солнце высушит меня, даже если не затопчут.

– Господин Никос говорил, что встроил в ваш амулет какой-то раздел, и там теперь боевые плетения, – озвучил ученик подслушанное.

Искусник скривился, будто целый лимон сжевал:

– Точно, есть. Покопался я там. Знаешь, сколько на них маны надо? Эти плетения на поле боя хороши: взял несколько манокристаллов, настроился на вражескую армию, и все – нет ее. И даже хоронить не надо. Когда лавовое озеро остынет, ни косточки не найдешь. Либо непонятные плетения. Ясно, что огонь, воздух или даже вода задействованы, но что делают – неизвестно. Пробовать надо. Причем где-нибудь в пустынной местности.

– А за что они вас ловят? – рискнул Оболиус задать вопрос, который давно его мучил.

Сейчас, когда учитель подавлен и разоткровенничался, может, и об этом скажет. Но все-

таки Толлеус размяк не настолько, чтобы признаваться.

– Задолжал я государству, – уклончиво пояснил он. – Очень много задолжал. Пришел срок возвращать должок.

Ученик легко принял такую версию – он понятия не имел, как там на самом деле живут соседи. Ему даже понравилось, что Толлеус нанес финансовый ущерб Кордосу.

– Я это... из мастерской кое-какие ваши вещи вывез, когда вас арестовали, – потупившись, признался Оболиус. – Там деньги, сундучок с амулетами, котелок, одеяла, даже своего маленького деревянного голема умыкнул и химеру Бульку. Сюда все недавно перевезли. Пригодится.

Признаться, парень сам от себя не ожидал, что вот так запросто вернет кордосу все, что уже считал своим. Особенно деньги. Может, последние слова Никоса повлияли. Может, просто ситуация. Как бы то ни было, свершилось: Оболиус не смог удержать рот на замке.

Кажется, у искусника в уголках глаз заблестели слезы. Личные вещи – это хорошее подспорье в такой непростой ситуации. Вот только главную проблему это не решает.

Оболиус тем временем продолжал:

– Может, стоило попросить Никоса? Он все уладит.

Толлеус не глядел на Оболиуса, поэтому тот не видел грусть в глазах старика, однако заметил невеселую усмешку. Только интерпретировал он ее неправильно, поэтому кинулся защищать их общего благодетеля:

– Он обязательно поможет, он хороший!

Искусник разлепил губы и тихо, скорее для себя, ответил:

– Он, может, и хороший, но я не уверен, что он будет помогать *мне*. – Последнее слово Толлеус выделил особо. – Так что просить у него помощи надо, когда ничего другого не останется. Не ранее.

– Так разве сейчас не такой случай.

– Возможно, и такой. Только Никос ушел. Сомневаюсь, что мы с тобой сумеем его найти.

Оболиус задумался и неуверенно предложил:

– Они с госпожой Кариной эль Торро ходят смотреть Турнир. Можно попробовать подежурить возле ворот для благородных. Или найти их родовое поместье – имя рода-то знаем.

До сих пор Толлеус разговаривал своим обычным голосом, но тут прорезался Толлеус-спорщик и ехидно возразил:

– Ага, так тебя, оборванца, и пустили в особняк благородных господ.

– Может получится, – не сдавался Толлеус-главный.

– Точно, только времени займет о-го-го! А Маркус, поди, уже скачет сюда во главе с отрядом искусников.

– Так что, ложиться помирать? – разозлился старик.

– Можно помолиться. Боги не откажут в такой ситуации своему любимчику!

Альтер это подало интересную идею. Действительно, боги по непонятной причине проявляли изрядное упорство, пытаясь обратить Толлеуса в веру. Только он всячески этому противился, не доверял этим могучим сущностям, чуял подвох. Оболиус, кстати говоря, еще не знал об этом аспекте жизни своего учителя. Поэтому сейчас покосился на искусника с интересом.

– В общем, так, – подытожил искусник, оборвав себя, хотя зачастую подобные споры

затягивались надолго, затихая постепенно. — Оболиус, мчись куда хочешь, попытайся найти Никоса. К вечеру возвращайся. Если меня за это время арестуют, забирай деньги и еще раз отправляйся его искать.

— А вы?

— А я буду думать, помолиться ли, и если да, то когда — сейчас или когда повезут в Кордос.

У советника императора не бывает такого, чтобы незванный визитер оказался кстати. Дела государственные, если, конечно, ими заниматься серьезно, обладают неприятной особенностью захватывать все время человека. Надо успеть поговорить там, встретиться здесь, отдать распоряжение, подписать бумагу, ознакомиться с отчетом... И в результате даже с учетом команды добросовестных помощников как-то вдруг выходит так, что выехать на охоту или провести денек в тишине в загородном доме нет никакой возможности, некогда! А потом домочадцы начинают забывать, как этот государев муж выглядит, а сам он не может обходиться без мощных стимуляторов ауры, потому что немолодому организму четырехчасового сна совершенно не хватает.

Посмотришь со стороны – знатный аристократ только и занимается тем, что ездит на приемы во дворец и званые ужины других вельмож, где кутит и веселится от души. Но нет, все по делу, все по необходимости.

К Эндонио эль Торро легко можно отнести все, что было сказано выше. Казалось бы, совсем недавно в результате сложнейшей операции удалось вызволить единственную дочь из кордосских застенков и вот снова не видишь ее целыми сутками. Более того, в связи с деятельностью заговорщиков и подготовкой к ответному удару сил на работу стало уходить еще больше. А стало быть, времени на личную жизнь не осталось совсем.

Поэтому когда противно, до зубовного скрежета, запищал-завибрировал амулет связи, Эндонио недовольно скривился: опять! Впрочем, этот вызов игнорировать не стоит. Никос. Таинственная фигура, своим присутствием вносящая хаос в сложившийся расклад сил. Однако эта сила, можно сказать, дружественная. По крайней мере, главный чародей империи, умеющий предвидеть будущее как никто иной, считает именно так. Более того, польза от этого мейха уже есть, и это если не учитывать тот факт, что он помог спасти дочь и почти зять Эндонио. То есть был почти зятем. Лулио, тот самый сильный чародей, старательно выводит настоящее на другую вероятность ради пользы родной стране, о чем честно предупредил.

Никос предлагал для связи другое средство, созданное на искусных технологиях, носящее странное название «болталка». Но по понятным причинам Эндонио от нее отказался. Связь нужна, безусловно, но это должна быть какая-нибудь безопасная или хотя бы условно-безопасная вещица вроде амулета, который могут проверить специалисты и который можно убрать подальше в случае необходимости. Никос от чародейского амулета, предложенного ему в качестве альтернативы, тоже отказался и сделал свой – высокую серебряную пирамидку, которая вполне могла служить простым украшением интерьера, если бы не ее основная функция. Увы, у нее имелся один отвратительный недостаток: сигнал вызова был настолько немелодичен, что хотелось заткнуть уши. При этом она еще начинала мигать красным, да так ярко, что опять-таки вызывала лишь раздражение.

Советник взмахом руки отослал за дверь очередного докладчика, удивленно косящегося на диковинку, и лишь после этого отчетливо произнес:

– Готов к разговору! – Эль Торро голосовой способ активации не очень нравился, он бы предпочел что-нибудь тактильное – прикосновение к пирамидке, например. Но тут уж выбирать не приходится – что дали.

Сейчас же в кабинете материализовался Никос. Точнее, как будто материализовался. Потому что, Эндонио знал наверняка, это была всего лишь иллюзия. Очень качественная, но тем не менее.

Разговаривать с Никосом вот так советнику уже доводилось. Вроде бы все как в жизни, собеседник вот он, перед глазами, двигается, реагирует на слова мимикой, выглядит так, что от живого человека не отличишь. Но все-таки каждый раз Эндонио не покидало ощущение, что он разговаривает сам с собой. Видимо, виной всему было то, что не чувствовалась аура человека, с которым ведешь беседу. Даже с чародейскими амулетами нет такой пустоты – там ты мысленно ощущаешь собеседника, а тут такого нет. Странно это, непривычно и навеивает мысли о шизофрении. Поэтому некомфортно и сосредоточиться на разговоре сложнее.

– Добрый день! – донесся жизнерадостный голос несостоявшегося зятя, а его иллюзия слегка поклонилась.

– Добрый, – в свою очередь склонил голову советник. – Какими судьбами?

Никос, не дожидаясь приглашения, уселся на стул для докладчиков.

– У меня тут ситуация. Я небольшой переполох с кордосцами устроил, ну и по городу чуть-чуть. Ваше «Недремлющее Око» зашевелилось, так вы дайте отмашку, что все в порядке. Чтобы недоразумения не вышло.

Эндонио уже был в курсе беспорядка в столице и знал, чьих это рук дело, так что требуемая отмашка уже была дана. Вот только такие мещанские обороты речи советнику не нравились, впрочем, как и то, что парень не извиняется и не просит, а чуть ли не приказывает. Впрочем, это было не все.

– Искусники расстроены и тоже... – Эль Торро чуть споткнулся, но использовал именно это слово: – Зашевелились. Что с ними прикажешь делать?

Никос словно не заметил издевки или попросту проигнорировал ее:

– Думаю, сами они на рожон не полезут. Но если мозгов нет, заступаться за них не надо.

– Вы еще пол-Широтона разнесите, – нахмурился советник.

Впрочем, наглость и самоуверенность парня его в какой-то мере даже забавляли. Эндонио прекрасно понимал, что кордосцы не станут швыряться огненными шарами в самом центре Оробоса, и знал, что Никос тоже это понимает. Однако не стоит недооценивать искусников. О чем он и сказал собеседнику.

– Я поговорю с Шойнцем, – серьезно ответил парень.

– Шойнец Индергор Виртхорт – командир отряда искусников специального назначения, а не посол, он такие вопросы не решает, – возразил Эндонио.

– Возможно. Но донести мысль до тех, кто решает, сможет. Все равно я не знаю больше ни одного кордосца, а этот – человек далеко не последний.

– Зачем вообще понадобилось дергать их за усы? – спросил советник.

Четкого ответа на этот вопрос аналитики не предоставили.

– Нашлась кое-какая моя безделушка. Ценная. Ну и старичка одного решил забрать, очень уж поговорить с ним захотелось.

– И ради этого понадобилось творить такую отсебятину? Хорошо еще, что не прямо в императорском дворце! Ну почему нельзя было попросить нас, мы бы помогли и сделали все чисто и красиво. Через пару дней получил бы и безделушку и старичка. Кстати, это ведь их големщик, верно?

– Не мог ждать, засвербело, простите великодушно! – без нотки раскаяния улыбнулся

Никос. – Это касается тех поисков, в которых я просил вас помочь. Да не переживайте вы так, как раз сейчас приплести Оробос к нападению на карету труднее, чем если бы с ней что-то случилось на дороге. Кордосцы знают, что во всем виноват я и никто мне не приказывал. А старик, все верно, их големщик. Насчет него у меня к вам просьба: не обижайте, приглядывайте и помогайте, если понадобится. Считайте, что он под моей протекцией.

– Он точно не заколдованная императорская дочка? Иначе я не вижу причин сдувать с него пылинки, – с каменным лицом пошутил Эндонио.

– Пылинки сдувать не надо. Просто не прессуйте, как прессуете всех искусников. Дайте вид на жительство. А я постараюсь договориться с Кордосом, чтобы те тоже его не шугали.

– Но почему? Я ведь не просто так спрашиваю. Признаюсь честно, его пытались просчитать несколько сильных видящих. Однако он уже несколько раз срывал все их прогнозы, выводя в реальность какие-то совершенно невероятные нити судьбы. А один предсказатель утверждает, что этот дед, который не сегодня завтра помрет от старости, избранник судьбы.

– Как это? – Удивление Никоса было искренним.

– Великие события, даже те, которые еще не произошли, имеют в Сути Мира след, точно борона в поле. А люди, нужные для того чтобы такое событие состоялось, – инструменты вроде плуга, заточенные именно под эту работу. Не знаю, как понятнее объяснить. Сам не силен. Это тебе Лулио лучше спросить. Так что, чувствуешь в нем что-нибудь эдакое?

Никос хмыкнул:

– Такого, как ты описываешь, нет. Правда, в чем оно должно проявляться, понятия не имею. Но странностей хватает. И сам он искусник нетипичный – успел немного с ним пообщаться. Кстати, ты говоришь, вы все время ошибаетесь с прогнозами насчет него. У моего народа есть поговорка: «Случайности не случайны». – На этих словах советник вздернул брови. – А то, что этот старик у вас на Турнире так сильно выступил, – это не то самое великое событие? Или не тот масштаб? О каком уровне вообще идет речь?

Настал черед Эндонио задуматься:

– Может, и то. А может, что-то масштабней, что еще не случилось. Если бы мы знали...

– Ну вот вам еще одна причина присматривать и не гневить судьбу, – подытожил Никос и, попрощавшись, растаял в воздухе.

Глава 11

Ник. Посиделки

Спикировав с небес, Ник эффектно приземлился перед входом в гостиницу, где снял номер для Оболиуса и куда потом подселил Толлеуса. Опытным взглядом тут же заметил изменения: на стенах и у двери появились какие-то плетения. Причин для беспокойства нет – это не посольские искусники постарались. Старикан, похоже, накрутил, потому что в большинстве своем тут простенькие сигналки. Кстати, метка Толлеуса внутри, так что Ник точно прилетел не напрасно. А вообще защитка так себе. Как-то жиденько, если сравнивать с шатром искусника в Палатке.

Проскользнул аурным щупом в здание, отыскал кордосца. В который раз поразился жилету-амулету. Интересно, зачем старик в нем столько плетений зазря гоняет в рабочем состоянии? Вроде не нужно ему столько для поддержания здоровья: целебный конструкт работает, симбионты работают, аура худо-бедно выправлена. Может быть, раньше и нужно было, но теперь ни к чему все эти альтернативные подпитки, стабилизирующие контуры и прочая магическая медицина. На Земле, конечно, тоже есть люди, которые таскают на спине рюкзак со встроенным медицинским комплексом. Но это те, кто ждет операции по пересадке органа, или те, кому в любой момент может потребоваться реанимация. Просто так зачем лишнюю тяжесть на себе катать? Может, дед еще не привык – совсем не доверяет своему здоровью? Так хоть бы включил тогда дежурный режим, а то все работает беспорядочно и вхолостую.

Ник пришел на встречу с кордосцем вовсе не для того, чтобы спросить его о жилете. Повод для визита был посущественнее. В прошлую встречу разговор пошел совсем не так, как планировалось, – эмоции, откровения. Ник тогда взял тайм-аут, то есть поспешил сбежать, чтобы привести мысли в порядок. А потом вспомнил, что поставил «болталку», а пользоваться не научил. Еще решил приободрить искусника на тему безопасности: скорее всего не будут его вязать и волочь в каталажку. Но если все-таки такое случится, то пусть звонит – могучий мейх примчится и унесет в чудесные края. Разумеется, все так и будет, если представлять дело очень утрированно. Ну и ладно. Главное, чтобы понятно было и не скучно. Скука угнетает.

Все эти новости можно было передать через «болталку» и обучение провести без личного присутствия. Но была еще одна причина, чтобы вновь вживую посмотреть на Толлеуса. В прошлый раз искусник заикнулся о том, что боги его очень любят, а Ник заметил у старика некоторые странности в ауре, еще когда проводил реанимацию в Палатке. С этим следует разобраться в свете грядущего противостояния с богом. Звучит пафосно, но этой встречи, увы, не миновать – бог уже доказал свою злопамятность и агрессивные намерения. Вечно бегать от него не получится, нужно искать если не оружие, то хотя бы информацию о противнике.

Привратник, не замечая искусных нитей, активировал парочку плетений, вежливо распахнув перед Ником дверь. Ну и ладно, пусть срабатывает. Не страшно. В гости идем, а не вражескую крепость штурмовать.

Монетка ушла на чаевые. Вторая, покрупнее, – приветливому трактирщику. Сперва по привычке заказал вино, чтобы бутылку в номер принесли, но потом спохватился, что что-то не то, – дед ведь все время какие-то отвары пил. В общем, Ник чуть задержался внизу,

консультируясь с хозяином, в результате сошлись на одной хитрой настойке: минимум алкоголя, богатый травяной сбор, выдержка солидная и в качестве экзотики золотистый конструктор внутри.

Можно было дожидаться, когда симпатичная девушка принесет поднос, но не стал – понес сам, стараясь не уронить фужеры. Не потому что еще монетку на чаевые пожалел, а просто ни к чему специально человека гонять, если сам все равно с оказией идешь.

Дверь в номер оказалась открыта. То ли не запирали ее, то ли Толлеус распахнул, когда идентифицировал Ника своими плетениями. Лицо искусника, казалось, с недавней встречи как-то посерело и осунулось, но губы растягивались в искренней улыбке. Если честно, зрелище не для слабонервных. Недаром говорят, что новорожденные частенько плачут, когда родные любящие бабушки и дедушки берут их на руки, – есть в старости что-то такое, пугающее. Вот и дед чем-то неуловимо напомнил Нику африканские маски, которые довелось повидать в детстве в музее, – жутковато!

Надо сказать, что Оболиуса в номере не оказалось. По поручению старика мальчишка где-то бегал в поисках самого Ника или хотя бы Карины. Дедуля хоть и выглядит словно самый убогий житель богадельни, но с головой дружит – быстро просчитал, что без помощи мейха очень скоро вернется обратно за решетку.

Несколько автономных потоков сознания – это удобно. Пока одним ведешь беседу, вторым – изучаешь ауру, третьим связываешься с Лулио де Мондо для консультаций, а четвертым мониторишь окружающее пространство.

Кстати, аурная аномалия у старика выявилась не одна, а сразу две. Первую Лулио опознал легко и поведал о ее особенностях. Ник тут же придумал ответ на вопрос, отчего к Толлеусу боги испытывают повышенный интерес. Все дело в том, что природная ментальная защита от вселения у старика отсутствовала начисто. Где у других барьер, у него дырка. Любая сущность или тот же чародей могут забраться ему в черепушку, когда сознание спит. Так что в теории, если у себя ауру в этом месте уплотнить, богу будет тяжелее устраивать всякие «напряжения энного слоя реальности». Только Ник не стал этим заморачиваться, у него на страже биокомп, который гораздо эффективнее фехтует с этими разъевшимися астральными паразитами, а плотная аура охране тоже мешает. Однако совсем без ауры, как у Толлеуса, тоже плохо: биокомп может не успеть отреагировать в случае чьей-нибудь внезапной атаки. Пассивная защита все же нужна. Важен здоровый баланс меча и щита, если говорить казенным языком.

Думал заткнуть старику эту дырку, чтобы оградить от назойливого внимания, от которого он так страдает, но, к стыду своему, не сумел. Ауру можно уплотнить и даже стабилизировать с помощью симбионтов в новом измененном состоянии, чтобы не отыгрывала назад в старую форму. Но тут как раз возникает конфликт со второй аномалией – эдакой скруткой, с пониманием сути которой Лулио помочь не смог. А ведь чародей собаку съел на аурах – все-таки повелитель чар.

Пока потягивали настойку и общались за жизнь, Ник решил посмотреть на информструктуру собутыльника и сообразил, что к чему. Помог опыт. Он ведь уже видел что-то похожее у оборотней, которые жили в уединенной деревушке в Пустошах, что между Кордосом, Оробосом и Арфилой. Нет, превращаться в псевдособаку дед не мог, но второе сознание у него было. Пословица: «Одна голова – хорошо, а две лучше» в действии, хотя по факту голова-то одна. Как взаимодействуют эти сознания, не очень понятно, и которое из них контролирует тело – тоже. Однако это его старческое бормотание в таком свете обретает

новый смысл.

Аурный барьер от вселения, который Ник хотел сделать, насовсем разделит и сознания искусника. Возможно, Толлеус всегда лишь об этом и мечтал, но стоило лишь подумать о том, чтобы загубить такой уникальный экземпляр, ученый в землянине заверещал дурным голосом, велел ничего не трогать и даже не говорить Толлеусу о том, что удалось обнаружить. Прожил дед с этим сотню с лишним лет и еще проживет, сколько осталось! Да и непонятно, если честно, что получится. Может, второе сознание навсегда окажется в полной изоляции, отрезанное от всех органов чувств и возможности общаться даже со своим напарником. Так что не стоит брать такой грех на душу.

Времени на все дела ушло много – приговорили еще бутылку и успели поужинать. К концу беседы даже вернулся сердитый Оболиус, мимоходом пожаловавшись, что привратник в имении эль Торро выплеснул на него ведро с помоями и пригрозил намять бока палкой, если мальчишка не уберется. Только его жалобы не нашли отклика в сердцах слушателей. Настойка действовала умиротворяюще, настраивая на созерцательность и позитивные мысли. Если сперва Толлеус осторожно пытался выведать, откуда Ник родом, и узнать, где водятся чудеса из видений и что за искусный стиль у него, то потом разговор скатился к воспоминаниям. Старик рассказывал о своей учебе в академии, об укладе жизни в Кордосе, про войну тоже не забыл. Нику досталась скорее роль слушателя, хотя он тоже иногда вворачивал в монолог искусника словечко или даже небольшую историю. В общем, очень душевная встреча. В последний раз такое было, кажется, еще у гномов. Это вам не званые обеды высшего общества, где каждый сидит, будто кол проглотил, и поэтому ни поест, ни поговорить нормально не может.

Расстались без пьяных объятий, но оба довольные друг другом и жизнью.

Часть вторая
Караван

Глава 1

Толлеус. У вас товар, у нас купец

Как ни велико было желание лично пойти на рынок, но природная осторожность взяла верх. Конечно, сейчас, когда Турнир закончился, очень заманчиво погулять в чародейском секторе. Вот только совершенно ни к чему привлекать лишнее внимание к своей персоне. Сейчас лучшее для Толлеуса – не светиться и по возможности быстро исчезнуть из города, а не разгуливать в людных местах, тем более что благодаря своему выступлению он приобрел определенную известность в Широtone.

Никос сказал, что все уладил и волноваться не о чем, но искушать судьбу не стоит. Вот только рынок посетить надо – это не блажь, это жизненная необходимость. Нужна мана, без нее никуда. Толлеус знал лишь один ее источник в Оробосе. Источник непростой, возможно, все обернется пшиком, но выбирать не приходится.

Все тот же Никос насчет маны заявил, что проблема надуманная. Мол, можно снять жилет и убрать в чулан, но кордосец отнесся к такой новости скептически. Расчеты расчетами, но он чувствовал, что при снижении мощности ему становится хуже. Вероятно, это ухудшение здоровья – норма для людей его возраста, но как-то не хочется спускаться вниз, когда есть шанс, пусть с искусной помощью, держать планку если не юноши, то хотя бы мужчины помоложе себя. А может, Никос ошибается, и после отключения амулета ухудшение здоровья приведет к летальному исходу. Так что экспериментировать не хотелось.

Мана в Оробосе использовалась совсем не так широко, как в Кордосе. Ее рынок ввиду отсутствия спроса отсутствовал начисто. Однако Толлеус буквально несколько дней назад обнаружил, что как минимум одна разновидность химер – выведенных чародеями животных, способна быстро восстанавливать свой запас. А отбирать его искусник умел.

Старик не рискнул отправить рыжего оболтуса самостоятельно покупать химер. Толлеус хоть и стар, но слабоумием не страдает, чтобы вручить мальчишке все свои деньги. Спору нет, парень вывез сундук с добром из мастерской и в целостности и сохранности вручил своему господину, так что навряд ли он исчезнет с монетами, если их ему дать. Но просто сумма велика, а рынок – не то место, где простым мальчишкам стоит разгуливать с тяжелым кошельком в руках. Но несколько медяшек и даже пару серебрушек старик ученику все-таки выдал: на входной билет да чтобы прикупил жизнегубок и местных накопителей маны. Первые дешевы, а без вторых все равно никак не обойтись. Но химер Толлеус будет покупать сам: Оболиусу только требуется найти Мориса эль Гаррудо и договориться о встрече.

Когда ученик отправился выполнять поручение, Толлеус остался дожидаться его в повозке у ворот рынка, обуреваемый грустными мыслями о превратностях судьбы. К сожалению, маны оставалось совсем чуть-чуть, во что бы то ни стало требовалось пополнить запас. Сказать по правде, Никос если и ошибался насчет жилета, то лишь частично. Искусник недавно обнаружил, что организм его окреп и словно помолодел, так что некоторые функции жилета можно попробовать отключить. Кого за это благодарить, он не знал. Может, сказывалось положительное воздействие чародейского конструкта, который опутывал своими золотыми щупальцами все тело, точно паук муху. А может, благотворно сказывались иной климат и активный образ жизни – в последние недели приходилось постоянно двигаться на свежем воздухе. Старик остерегался вносить в работу своего медицинского амулета кардинальные изменения: случись что, второй попытки не будет. Тут

нужно действовать осторожно, убавляя по чуть-чуть, наблюдая, сравнивая. Поэтому на первом месте, как и всегда, стояла мана.

Другой проблемой были деньги, а точнее, их нехватка. В сундуке осталось не так много, вернее, совсем мало против того, с чем искусник приехал в Оробос. Львиную долю съел целебный конструктор, второй крупной статьей расходов стало большое количество деталей для модификации голема, прочие траты также складывались во вполне внушительную сумму. Если бы Толлеус не подработал на рынке, все сбережения уже закончились бы. Увы, выволить из Кордоса хранящиеся в даймонском банке манокристаллы не представлялось возможным. Если бы он просто открыл счет, то получить деньги, пускай даже с потерями за перевод, можно было бы в любом отделении, даже здесь, в Широтоне. Но свои сокровища старик не собирался превращать в звонкую монету. Он планировал вернуться, поэтому оставил в ячейке до востребования, а стало быть, сейчас про них можно забыть.

Мысль заработать своим искусством казалась очень заманчивой, вот только все было совсем не так просто, как в прошлый раз. К сложностям с поиском клиентов и реализацией заказов добавилось отсутствие посоха, маны и времени. Короче, привлекательная идея на деле грозила обернуться сплошными трудностями с неопределенным финалом.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Толлеус занялся своим излюбленным делом – работой. В хозяйстве остался единственный спасенный Оболиусом Паук, и старик переключился на него. В принципе он уже был обкатан и настроен, не хватало лишь окончательного глянца и управления, доступного любому человеку, не искусственному в искусных премудростях. Зачем оно здесь нужно, големщик и сам не смог бы сказать – просто выдалась свободная минутка, а он не любил, когда дела остаются незавершенными.

Солнце лениво слегка переместилось по небосводу. Прошел от силы час, а Рыжик уже вернулся в сопровождении какой-то высокой девицы, пепельные волосы которой были забраны в высокий конский хвост и словно маятник колыхались синхронно ее шагам. Оболиус семенил чуть-чуть впереди, при этом постоянно оглядываясь, что-то оживленно объясняя и активно жестикулируя. Впрочем, разговор был односторонний. Спутница обращала на своего провожатого внимания не больше, чем охотник на собаку, взявшую след зверя. Заинтересовавшись происходящим, Толлеус прервал работу и замер, тяжело опершись на простую палку, которая заменяла ему искусный посох. Оставшись без своего инструмента, старик попросту не смог ходить с пустыми руками, чувствуя себя голым и незащищенным. Все-таки привычка обладает великой силой. Кроме того, трость или простой деревянный посох действительно помогают старикам передвигаться, так что даже сейчас этот предмет нес в себе не только декоративные функции.

Девушка была одета как минимум непривычно. Женщины различных сословий и возраста придерживались разной моды, но наряд этой заметно отличался от других и скорее подошел бы мужчине. Вместо какого бы то ни было платья и прочих дамских аксессуаров на ней был сшитый по фигуре кожаный костюмчик светло-коричневого цвета, а на ногах – аккуратные полусапожки, отороченные сверху тоненькими полосками золотистого меха. По бокам на широком поясе висели сумочки, какими обычно пользуются егеря и охотники. Впрочем, ее костюм вполне мог стодиться для верховой охоты, но никакого оружия: ни лука за спиной, ни даже ножа при ней видно не было.

Оболиус, который больше пяtilся, чем шел нормально, чуть-чуть приотстал, но его спутница уже не нуждалась в услугах провожатого. Она сама заметила Толлеуса, который

специально поставил свою повозку чуть в стороне от ворот, где начинался лабиринт деревянных построек без окон, чтобы не мозолить глаза стражникам и посетителям. Увидев искусника, девушка резко ускорила шаг, направляясь прямо к нему. Толлеус инстинктивно напрягся, так что костяшки скрюченных на посохе пальцев посинели: ученик привел чародейку, так что явно намечались проблемы.

К великому облегчению, пессимистичный прогноз не подтвердился. Еще на подходе девушка приветливо заулыбалась и, подойдя поближе, вежливо обратилась, развеяв все тревоги:

– Рада приветствовать вас, многоуважаемый ллэр Толлеус Алициус Хабери Рей. Мы не знакомы, но я видела ваше выступление на Турнире и необыкновенно рада нашей встрече. Меня зовут Амелия. Амелия эль Гаррудо, мой отец торгует на рынке химерами и послал меня сообщить, что он с радостью принимает ваше приглашение пообедать, но, к сожалению, в силу своего физического состояния подойдет попозже. Возможно, вас развлечет разговор со мной, пока он не появится.

Про «приглашение пообедать» искусник слышал впервые, но промолчал, лишь бросив на своего помощника вопросительный взгляд. Тот, почувствовав внимание к своей персоне, активно закивал за спиной чародейки, знаками показывая, что объяснит позже.

– Здесь совсем рядом со зданием управления рынка есть весьма недурной трактир, все служащие и многие из продавцов являются его завсегдатаями. Думаю, лучше места не найти до самого Серебряного кольца, – продолжала щебетать Амелия, взяв искусника под локоть и увлекая за собой.

Тут ее взгляд зацепился за Паучка, который мирно стоял в полупустой телеге.

– О, это голем! – тут же остановилась дочь химерщика, и в голосе ее послышалось восхищение. – Но мне казалось, что он был больше... и из металла... Это другой голем! – воскликнула чародейка, когда на нее наконец снизошло озарение.

– Верно, – кивнул старик. – Этого собрал мой ученик.

Оболиус, который хмуро топтался позади старика, ревниво глядя, как девушка ведет кордосца под руку, тут же расплылся в глупой улыбке и выступил вперед. Буквально сразу же старик пригасил ореол гордости, который стал излучать помощник, добавив:

– Сейчас я довел его до ума, так что големом вполне можно пользоваться. Конструкция, конечно, очень упрощенная по сравнению с тем, что была на выступлении, но для домашнего применения, как мне кажется, подходит замечательно!

Несмотря на уточнение Толлеуса о собственной причастности к сборке Паучка, девица все же удостоила парня заинтересованным взглядом, отчего тот смущенно залился краской.

– Хочешь прокатиться? – тут же предложил он.

Амелия снисходительно хмыкнула, а искусник досадливо скривился. Ему сейчас же захотелось, сославшись на недоработки, отменить предложение нерадивого ученика, но чародейка с какой-то детской восторженностью воскликнула:

– А можно? Это было бы здорово! – Хлопая длинными ресницами, она умоляюще уставилась на Толлеуса, безошибочно определив, что слово оболтуса в этом вопросе ничего не стоит.

Сам не зная, почему, старик разрешил Амелии сделать кружок вокруг ближайшего наглухо заколоченного амбара, коих тут насчитывалось множество. Вернее, причину своего поступка он знал, только она не поддавалась рациональному объяснению. Просто словно кто-то шепнул ему на ухо удовлетворить ее просьбу, а своему внутреннему голосу искусник

доверял и стал доверять еще больше после его последнего предупреждения перед выступлением.

Чародейка с некоторой опаской уселась в качающееся кресло с лапками и вопросительно посмотрела на старика. Тот в двух словах объяснил, куда нажимать, чтобы поехать. Конечно, можно научить ее отдавать команды, управляя искусными нитями, – здесь их всего ничего, так что такой способ казался Толлеусу более простым. Но он сомневался, что чародеи смогут так же легко делать это, как искусники. Девушка взвизгнула, когда Паучок зашевелился, но тут же снова стала экспериментировать и легко повела голема по обговоренному маршруту вокруг амбара. До искусника и его ученика долетали только счастливые возгласы.

– Что все это значит? – зашипел старик, когда Амелия удалилась достаточно далеко, чтобы не слышать его.

– Химеры стоят по-разному, но за самую дешевую просят десять серебряных монет! – выпучив глаза, зашептал в ответ Оболиус. – Вы, господин, говорили, что с продавцом в хороших отношениях и что он любит покушать! Вот я и подумал, что если вы пригласите его на обед и он там выпьет, то, вероятно, сделает вам скидку.

На такую сумму Толлеус не рассчитывал. Выходило, что химеры стоили не дешевле породистых скакунов. Теперь понятно, отчего эти мохнатые твари при всей своей полезности не пользуются у чародеев бешеной популярностью. В словах ученика был смысл, хотя вряд ли удастся сильно сбить цену. А раз так, то плакала идея купить достаточное количество этих животных, чтобы обеспечить свои потребности в мане.

Из-за угла строения верхом на Паучке появилась счастливая Амелия.

Толлеус с некоторым недоумением поскреб лысину: девушка скрючилась в кресле, поджав под себя ноги и вцепившись одной рукой в спинку.

– Здорово! – вынесла она вердикт, когда голем замер на том самом месте, откуда начал свое движение. – Это так... – Амелия замялась, пытаясь подыскать подходящее слово, – как будто это продолжение твоего тела! Не вместо него, как в наших големах или химерах, и никакого своеволия, как у лошадей!

Лицо девушки раскраснелось, карие глаза лучились счастьем.

– Только управление непривычное, – доверительно сообщила она. – Жаль, что на голема нельзя надеть узду.

– Но почему вы так ехали? – с недоумением перебил ее искусник, жестом обозначив странную позу девушки.

– Мне было страшно, – немного смущенно призналась Амелия. – Я все время боялась, что свалюсь и голем на меня наступит. Вот если бы спереди был какой-нибудь поручень...

Старик пожал плечами: удивительные эти чародеи. Боятся, но все равно лезут туда, где страшно. И что самое удивительное, получают от этого удовольствие!

Девушка, легко соскочив с импровизированного седла, вновь подхватила Толлеуса под локоть и повлекла в обход рыночной стены, без тени сомнения оставив хозяйство старика на его помощника. Оболиус потянулся было следом, но все же, состроив недовольную гримасу, вернулся и принялся затаскивать голема в повозку: сам шестиног из-за малого роста туда залезать не умел.

Трактир «Стол императора» оказался обычным заведением подобного рода. Ну, может быть, чуть более светлым и опрятным. Название явно не соответствовало внутреннему

убранству. Пожалуй, император, случись ему вдруг оказаться в этом трактире, легко отличит свою кухню от здешней.

Впрочем, некоторые отличия от типичных трактиров все же обнаружились. Помимо единственного общего зала с круглыми столиками и скамейками вокруг них, тут имелись небольшие кабинеты, отделенные шторами, где посетители могли насладиться своим заказом без свидетелей и при желании побеседовать без посторонних глаз и ушей. Толлеус кивнул, когда Амелия предложила устроиться за одной из таких шторок. Сразу же выяснилось, что приватность выльется в лишнюю монетку, но старик не пожалел. Тут обнаружились удобные кресла вместо жестких деревянных лавок, за одно это он готов был заплатить.

– Твой отец найдет нас здесь? – забеспокоился искусник, когда они уселись друг напротив друга, точно аристократы в фамильном замке.

Сходство с замком дополняли длинные свечи на столе и изящные бокалы, пока что пустые. Стены также вписывались в образ: позади Толлеуса висели скрещенные мечи и щит, а позади Амелии – отделанные начищенной медью красивые олени рога.

– Найдет, здесь внимательные и обходительные служки, подскажут. Или конструктором воспользуется, – без тени сомнения откликнулась девушка, расслабленно откинувшись в удобном кресле. – Кроме того, мы можем не задерживать портьера, чтобы он нас сразу увидел.

Как по волшебству появилась официантка в нарядном сарафане и с милой улыбкой поинтересовалась, кто что будет заказывать. Искусник, вспомнив молодость и манеры, предложил первой выбирать своей спутнице. Она сейчас же назвала пару блюд, отчего лоб старика пошел морщинами, – он никогда не слышал таких названий. Официантка дважды сосредоточенно кивнула, запоминая заказ и тут же по памяти называя стоимость. По крайней мере, расценки были хоть и высокие, но не заоблачные, так что выбор Амелии скорее всего относился к разносолам местной кухни и не являлся заграничной экзотикой, которую курьеры без сна и отдыха на взмыленных лошадях везут к императорскому столу, пока не протухла. Толлеус легко мог обойтись овощной похлебкой, но решил проявить уважение к спутнице и попросил то же самое.

– Вы тоже любите акрычи в межайском соусе? – удивленно приподняла бровь чародейка. – Я думала, я одна во всем Широtone, кто их ест!

– Понятия не имею, что это такое, – поспешил признаться старик. – Просто решил попробовать что-то новенькое.

– Ясно, – понимающе улыбнулась Амелия. – Тогда я настоятельно рекомендую взять черепаховый суп – здесь, в Широtone, специально разводят черепах. Вплоть до самого даймонского побережья такое нигде больше не отведают.

Официантка ушла, а чародейка, как и обещала, принялась развлекать Толлеуса светской беседой. Разговор начался с гастрономии: тут-то искусник узнал, что выбор в «Столе императора» и в самом деле очень богатый, чему в немалой степени способствует близость рынка. В этом трактире держали сразу нескольких поваров, которые готовы были предложить различные национальные изыски многочисленным иностранцам, которые тут торговали. Акрычами в межайском соусе оказались запеченные в тесте насекомые – рецепт с востока.

– На самом деле они суют в тесто местных жуков, но ничего, тоже вкусно! – предвосхищая вопрос, пояснила Амелия со смехом, глядя, как старик поперхнулся при ее

словах.

Потом беседа плавно переместилась к Турниру и големам. Тут в зале появился Морис: отталкиваясь от пола деревянными колодками, зажатыми в руках, он подъехал к их столику. За ним тенью крался Оболиус. Один он не рискнул зайти в трактир, закономерно опасаясь, что его отсюда сразу же вышвырнут. В принципе ему тут вообще делать было нечего, да и кресел вокруг стола стояло всего три, но ситуация разрешилась достаточно неожиданно для Толлеуса. Откуда ни возьмись появилась давешняя официантка с маленькой табуреточкой в руках и поставила ее у стены. Похоже, сюда не впервые приходили кушать господа в сопровождении своих слуг. Последние всегда должны быть под рукой, поэтому их не выгоняли, а усаживали в уголке. Очень удобно: и не мешают никому, и всегда готовы выполнить распоряжение хозяина.

Чародей задернул за собой портьеру, отрезав шум и запахи общего зала. Правда, сразу же стало темно: нескольких свечей в бронзовом подсвечнике было явно недостаточно для борьбы с сумраком. Толлеус задумался, стоит ли делать здесь искусный светляк или лучше вызвать служку и попросить принести пару факелов, но оробосцы снова удивили его: официантка сама догадалась, чего не хватает клиентам. Появившись бесшумно, точно иллюзия, она осторожно поставила на стол горшок со здоровым – больше тарелки – грибом, шляпка которого светилась мягким зеленым светом.

Подивиться диковинке искуснику не дал Морис. Химерщик, похоже, хотел повторить день знакомства, то есть хорошенько покушать, немножечко выпить и удариться в воспоминания. Правда, сперва он как воспитанный человек решил поздравить своего товарища с удачным выступлением на Турнире, о котором был наслышан, несмотря на то что сам не ходил. Это и определило дальнейшее направление разговора.

– Папа, я только что прокатилась на големе, это здорово! – тут же встряла Амелия, блестя глазами.

– Ездить на големах – это, конечно, очень оригинально, но, мне кажется, опасно! – не одобрил Морис, осуждающе поглядев сперва на дочь, а потом на Толлеуса.

– Почему опасно? – спросил искусник, искренне недоумевая.

– Ну как же? Упасть можно!

– Упасть можно и с лошади, и даже со стула! – опять влезла в разговор старших чародейка.

– Мой Паук устойчивый, сам никогда не падает, – поддакнул Толлеус, который очень болезненно воспринял подозрения насчет своего творения. – То, что я со стены свалился, – так это выстроена она была некачественно. Если только по земле бегать, то волноваться совершенно не о чем.

Видя скепсис в глазах Мориса, искусник нашел еще один аргумент:

– А на твоём месте, мой дорогой, я бы вообще передвигался исключительно на големе. Это ж, почитай, новые ноги, только паучьи.

Морис вздрогнул, и старик внезапно понял, что нашел способ заработать на химер. Осталось только соблазнить оробосца.

– Да вот хоть сейчас можешь проверить – и сам убедишься.

Чародей медлил, но Амелия снова поработала на искусника, повторив свою мысль о том, что это здорово и что она сама бы с радостью прокатилась еще раз. Обычно болтливый химерщик помолчал, а потом, видимо, решившись, отодвинул тарелку и тихо сказал:

– Я бы хотел попробовать.

Морис проехал пару кругов вокруг трактира (Толлеус плюнул на конспирацию), проверил маневренность, поднялся по лестнице и наконец остановился у входа, где уже стояли двое зевак. Один из них сейчас же поинтересовался, сколько стоит аттракцион, но искусник не стал связываться с подработкой. Во-первых, сейчас у него другой клиент и совсем другая сумма на кону, а во-вторых, слишком близко рынок с его служащими и налогом на использование Искусства.

Морису Паучок понравился. Впрочем, голем и в самом деле был неплох, хотя и простоват, – некоторые возможности у него просто отсутствовали. Если что и вызывало нарекание, так это внешность голема. Если бы старик знал, для чего ему понадобится этот образец, он бы всенепременно подошел к формированию облика маленького шестиного посерьезнее, а так это была скорее телега, нежели карета, если проводить параллель с более привычным транспортом.

И все же, вкусив забытое ощущение свободы перемещения, химерщик всей душой захотел приобрести себе эти новые ноги, не обращая внимания на мелкие недостатки. Толлеус же, напротив, горел желанием товар продать, хотя и не подавал вида. Он ведь не лукавил, когда заявил, что сам планировал пользоваться Паучком. Вопрос заключался лишь в том, готов Морис на большие траты или нет? Сколько стоят големы, искусник понятия не имел, и на какую сумму можно рассчитывать, оставалось только гадать.

Толлеус мучился, прикидывая и так и эдак: он хотел купить у чародея как минимум тридцать химер, чтобы хотя бы обеспечить работу жилета. Отчего на них разная цена, искусник не знал. Возможно, это зависит от возраста животных. Как бы то ни было, даже если считать по десять монет за штуку, все равно хватает едва на пару десятков голов, даже если старик вытряхнет все свои сбережения и останется ни с чем. Получается, за Паучка нужно требовать золото или мешок серебра. То, что старый искусник мог собрать за день, по его глубочайшему убеждению не могло стоить так дорого. И что с того, что Морис не знал истинной цены голема и не имел альтернативы? Просто Толлеусу совесть не позволяла обмануть того, кто так душевно с ним общался. Даже свои – братья-искусники – предали и арестовали его в тот момент, как только он стал им не нужен. Химерщик был практически единственным человеком в Оробосе, который отнесся к приезжему искуснику по-человечески и даже подарил одну химеру просто так, по-дружески, хотя стоила она, как оказалось, о-го-го! Вот если бы можно было украсть у безликого государства, которое ворочает тысячами золотых в день, старик бы не переживал, но залезть в карман к этому человеку он не готов даже ради спасения собственной жизни. По большому счету следовало бы подарить Паучка чародею ответным жестом – цена в десять серебряных монет казалась вполне адекватной.

Занятый грустными мыслями, Толлеус сам не заметил, как вся компания снова переместилась за столик в трактире. Морис тоже задумался о своем и молчал, притихла и его дочь. Лишь Оболиус ни о чем не переживал. Впрочем, и у него были свои проблемы: он все время косился на Амелию и периодически о чем-то едва слышно вздыхал.

– Учитель, я есть хочу! – вдруг подал голос мальчишка.

Старик встряхнулся и, словно проснувшись, посмотрел на него. Потом молча протянул свою нетронутую тарелку. Хитрого, словно лиса, Рыжика не нужно было уговаривать дважды: он тотчас же переместился со своей табуреточкой к столу и уселся так, чтобы быть между хозяином и чародейской дочкой. Толлеус тем временем решил.

– Такая ситуация складывается, уважаемый Морис, – начал он. – Мне нужны химеры. Много. Боюсь, мне не насобирать нужной суммы. Я готов продать голема и практически все, что у меня есть. Или, возможно, тебя заинтересует какая-нибудь услуга с моей стороны? Я знаю, что Искусство востребовано в Оробосе...

Морис, кажется, тоже был занят подсчетом суммы, которая потребуется на покупку голема. От слов старика он очнулся и улыбнулся:

– Твой парень, когда прибежал, как бы между прочим спросил про стоимость химер. Только я сразу смекнул, что не просто так это. Эль Гаррудо носом чует покупателя! – И чародей показал пальцем на свой нос. – Я частенько дарю людям мохнатку или глазунью. Другие торговцы считают это придурью с моей стороны. Тупицы, не понимают, что клиент потом вернется и купит еще. Потому что химеры дают очень многое. Незаслуженно, ох, незаслуженно химероводство стороной обходят! Будь моя воля, я бы в каждой школе... – завел старую песню Морис, найдя благодарного слушателя.

– Постой-постой! Я весь запутался, – прервал его Толлеус. – Какие мохнатки, какие глазуньи?

– Ну как же? – изумился чародей. – Химеры – они же разные, для каждого дела своя подходит лучше всего. Вот, например, глазунья – это птичка такая с огромными, как у совы, глазами. Хотя на самом деле она от голубя получается. Ее как «Око» можно использовать, только глазунья притом еще лапками может мелочовку какую-нибудь взять и, в отличие от конструктора, не светится. А тебе я мохнатку дал. Их так зовут, потому что шерсть у них такая длинная, что пока не сострижешь, даже сколько лап, не сосчитаешь. Этих обычно при наведении чар используют, чтобы, значит, свою ауру не попортить. А еще от усталости помогает и для тонуса: нам, старикам, это самое оно...

– Как – от усталости? – восторженно воскликнул искусник, услышав милые сердцу слова.

– Да очень просто! Притомись, бывает, так она чувствует и сама ластится. А как ауры ваши соприкоснутся, так она и начнет твою своей разглаживать. Тут и усталость уходит, и застарелые рубцы от неправильных чар смягчаются. Даже проклятие простенькое рассосаться может. Я потому тебе и дал мохнатку, что ты на здоровье жаловался. Вот, думаю, доброе дело хорошему человеку сделаю.

– Спасибо, конечно. Только ты не сказал про это ни словечка, а все больше про тренировки чародейские рассказывал, – засопел Толлеус.

– Правда? – искренне изумился Морис. – Ой, голова дырявая! Прости старика!

– А ведь и правда лезла и лезла твоя химера, спасу не было! Я-то все думал, что ей от меня надо? Она же здоровенная, придавит ненароком – вот и прогонял.

– Это верно, крупная скотина. Потому что от свиньи произошла. Ты не смотри, что не похожа, редко когда общие черты сохраняются, только размер тот же. А вообще это ее умение, лекарское, случайно появилось. Все-таки для других целей ее выводили. Вот только, думается мне, с маленьким животным ничего не вышло бы. Тут ведь большая аура нужна, сильная, чтобы на твою повлиять. Взрослая мохнатка отлично снимает усталость, потому что крупная, а эффект от детеныша совсем слабый. Хотя люди все-таки чаще покупают двух-трехмесячных малышей, их хотя бы на руки взять можно. Или взять, например, ушанку – маленькая животинка вроде кошки, от которой и произошла. Она тоже на ауру воздействует, причем именно болезни лечит, но делает это точно, я бы так сказал, воздействуя на конкретный орган. Всю ауру ей не осилить, размер не тот!

– Сколько стоит? – воскликнул искусник, забыв про прочих химер. При этом он так

взмахнул руками, что чуть не опрокинул бокал с вином, который лишь слегка пригубил.

– Дорого, дорогой мой, очень дорого! – затряс головой Морис. – Это редкий товар, потому что и конструкт правильный сложно сделать. Тут уровень поболее моего требуется, и не к каждому ушанка пойдет, сама она выбирает хозяина, понимаешь? Иначе попросту не захочет лечить, и все, будет жить в доме без всякой пользы.

– Откуда все-таки берутся химеры? – погрустнел старик. – Столько новых видов, которые в лесу не водятся. Причем никакого конструкта на своей химере... мохнатке, как ты сказал, я не вижу. Чудно как-то это.

– Да все просто, – оживилась Амелия, которой наскучило сидеть молча. – Отец создает специальный конструкт, подсаживает его беременному животному, и все дела. Через положенный срок рождается химера, не похожая на родителей, бесплодная, зато с нужными качествами.

– Или не рождается, – с нажимом добавил Морис. – Или рождается, но совсем не такая. И конструкт для каждого родов нужен новый. Я могу создавать всего четыре вида химер, хотя посвятил учебе всю жизнь.

Чародей не озвучил свою мысль до конца, но Толлеус понял, куда тот ведет: работа сложная, поэтому товар дорогостоящий. Вот только дочка выдала родителя: цена явно завышена. Не дарят люди первому встречному-поперечному десять серебряных монет в надежде, что это потом окупится. Понятно, что в цену на химеру заложены и эти подарки, и рыночные пошлины, и навар... Себестоимость животного должна быть в пределах двух-трех монет. А это уже совсем другой разговор.

– Но вернемся к нашей теме, – решительно начал искусник. – Меня интересуют именно мохнатки. Сколько их у тебя и сколько ты за них хочешь?

– Удивительно, зачем искуснику столько мохнаток, – неподдельно изумился Морис. – Одной вполне достаточно для терапии. Даже если ты обвяжешься ими со всех сторон, эффект больше не проявится. Впрочем, смотри сам. У меня их пятьдесят семь. И я сделаю тебе скидку – отдам по восемь серебрушек. Надеюсь, ты по-дружески тоже не станешь ломить цену за своего голема!

Оболиус, который все это время прилежно набивал брюхо кулинарными изысками и до поры не проявлял никакого интереса к беседе, сейчас же нырнул под стол, якобы за упавшим кусочком, откуда изобразил для Толлеуса целую пантомиму. Старик не был уверен, что правильно понял все жесты своего помощника. Языка торговцев, на котором представители разных стран легко договариваются о сделке без единого звука, он не знал. Однако понял суть: четыре оттопыренных пальца, которыми ученик тряс особенно энергично, означают сумму, до которой нужно понижать планку. Толлеус поступил иначе. Прикинув в уме свои активы, он безропотно согласился на восемь монет за мохнатую голову, но запросил за голема ровно столько, чтобы доплатить осталось сто сорок монет. Таким образом, химеры выходили примерно по две с половиной серебрушки. По его разумению, Морис оставался не внакладе, вместо прибыли получая голема, а у самого Толлеуса сохранилось еще несколько десятков кругляшков из благородного металла. Мало, но зато честно. Чародей беззвучно зашевелил губами, что-то прикидывая в уме, а потом, когда сообразил, какими расчетами руководствовался искусник, понимающе улыбнулся и торговаться дальше не стал.

– И все же, зачем тебе столько мохнаток? – снова спросил Морис, когда сделка состоялась. – Теперь ведь ты уже можешь мне сказать?

– Могу, – подтвердил старик. – Если ты заплатишь за обед!

Чародей хохотнул и предложил пополам, Толлеус не стал упираться: он был доволен, что сэкономил немного денег. Что же касается химерщика – быстрое восстановление запаса маны у несостоявшихся поросят оказалось для него новостью. Правда, мана для чародеев не настолько ценна, чтобы налаживать ее добычу в крупных масштабах, и умеют ли они вообще ее собирать так же, как жизненную силу? Но как воспользоваться полученной информацией – это уже его головная боль, а у искусника своя – целое стадо крупных животных, и ни малейшего понятия, как с ними управляться.

Глава 2

Толлеус. Пастух

Старик ерзал на облучке, крепко сжимая вожжи, при этом стараясь не понукать лошадь. Хотя, честно признаться, было желание щелкнуть ими по крупу, чтобы кобыла сменила неспешный шаг на бодрый галоп. Позади остался Широтон с чародеями и искусниками. От собратьев хотелось оказаться как можно дальше и как можно быстрее. Да, Никос сказал, что решил этот вопрос и бывшего настройщика беспокоить не будут, но верилось слабо. Парень хоть и могуч не в меру, но он всего лишь один человек против самого сильного государства современности, при этом сбежавший узник.

Впереди ждала пугающая неизвестность, что также не добавляло хорошего настроения. Когда Толлеус очнулся в темнице, он даже испытал облегчение – свалился груз с плеч, который давил многие годы. А вот теперь снова нужно бояться, к тому же сейчас он в розыске.

Как ни велико было желание старого искусника ехать быстрее, приходилось подстраиваться под неспешную походку химер. Толлеус уже не единожды проклял этих своенравных животных, которые так и норовили разбрестись по всей округе, вместо того чтобы организованно идти следом за хозяином. Увы, без них никак нельзя обойтись – они являются живыми источниками маны, нужной искуснику как воздух. Так что предстоит мириться со всеми их выходками, ленью и прожорливостью. Оболиус ехал на второй лошади позади стада, без устали размахивая длинным кнутом, подгоняя таким образом отстающих и задавая направление. Получалось у него неважно. Хоть он какое-то время и работал в конюшне, но пасти, а тем более перегонять на большие расстояния скот – это совсем другое дело.

Новоиспеченные пастухи пробовали связать химер друг за другом веревкой, чтобы все стадо длинной вереницей шло вслед за телегой. Увы, эта светлая идея не выдержала испытания практикой. Химеры активно сопротивлялись такому обращению, упираясь изо всех сил, при этом жевали веревку, накинутую на шею. От такого способа пришлось отказаться. Неплохо себя зарекомендовал мобильный загончик – упрощенная версия защитного купола. Быстро выбраться из города, не растеряв по пути живой товар, удалось лишь благодаря ему. Но постоянно его использовать сложно – купол потреблял прилично, поэтому постоянно приходилось вновь заряжать единственный манонакопитель, оставшийся у Толлеуса. К тому же искусный загон обладал рядом других неприятных качеств. Так, например, если какое-то особо упрямое мохнатое чудовище артачилось, то наступающий купол не подгонял его, а опрокидывал на землю, и животное волочилось в пыли, рискуя заработать травму. Габариты купола также не способствовали удобному путешествию. Торговый тракт хоть и был широк, но все равно почти полностью перекрывался невидимым загоном. Один ничего не подозревающий всадник уже кувыркнулся с лошади на всем скаку. Благо никто не пострадал, и человек даже не понял, отчего упал, иначе у Толлеуса могли возникнуть неприятности.

Старик без устали думал, как решить эту задачку. Неплохо было бы погрузить всю скотину на телеги с высокими бортами, запрячь в каждую пару быков и везти спокойно. Вот только таких телег надо много, а нанимать караван повозок – никаких денег не хватит. И без того монеты стремительно утекали. Большая часть сбережений ушла на приобретение химер,

а надо еще как-то обустроиться на новом месте, куда еще предстоит добратся.

На следующий день в одной из придорожных деревень Толлеус нанял в помощь местного пастуха, который имел двух обученных псов и обещал стать настоящим спасителем. Однако безоблачного путешествия не получилось. Мохнатые питомцы искусника совершенно не боялись собак, попросту игнорируя их лай. А от укусов химер неплохо защищала длинная шерсть. Промучившись до вечера, пастух плюнул и вернулся в свою деревню, бросив искусника с учеником.

Надо сказать, даже с наступлением сумерек трудности не заканчивались: предстояло заботиться о фураже и ночлеге. Никому и в голову не могло прийти перегонять целые стада по Торговому тракту. Потребности городских жителей в мясе удовлетворяли окрестные деревни. Конечно, на тракте можно было увидеть пару или даже десяток коров, понуро бредущих на рынок или в свой последний путь к трактирным столам, но и только. Исключение составляли лишь лошади: в некоторых крупных купеческих караванах их насчитывалось до сотни, поэтому большие конюшни в придорожных постоялых дворах имелись. О том, чтобы выпустить свое мохнатое имущество на окрестные поля или оставить пастись на ночь, не могло быть и речи. Старику приходилось определять химер в стойла, кормить первосортным лошадиным овсом и платить, платить, платить... Складывалась несуразная в представлении кордосца ситуация: у него было полно маны, но обменять ее на деньги не было никакой возможности. В Оробосе этот ценнейший, с точки зрения Искусства, ресурс никому не нужен, а если сказать точнее – тут нет нормального рынка маны. Даже просто складировать на будущее не получалось – ее попросту некуда было перекачивать. От безысходности Толлеус заливал ману во все предметы, какие вез с собой, но оттуда она очень быстро улетучивалась, отчего с лица искусника не сходило выражение искреннего страдания.

Искусник ставил массу экспериментов, вспоминая все, что знал о конструкции накопителей, варьируя материалы, но самоделки получались откровенно дрянные, сильно уступающие даже обычным кордосским по серебришке за десяток.

И все же передвижение со стадом оставалось наиболее злободневной проблемой. Самое обидное, что при перевозке стада можно обойтись вообще без лошадей и возниц. Сделать несколько больших грузовых Пауков, благо знания и мана есть, и вперед, навстречу свободе. Вязать плетения через амулет непривычно и неудобно, но старик не сомневался, что справится. Самое главное – плетения здесь, с собой. Искусник без устали благодарил Провидение, которое шепнуло ему перекачать перед Турниром в амулет жилета коллекцию из посоха. Но беда заключалась в том, что собирать искусных големов было не из чего. Даже чтобы изготовить нужные части, требовалось много времени и денег. Создать же полностью искусного голема, как делал Ник, не получалось: нужны амулеты, которых нет, нужны новые расчеты, нужны плетения для каждой части, и наконец, не грех повторить еще раз, нет привычного посоха. Поэтому комфортное путешествие оставалось лишь в мечтах, а на практике приходилось трястись в обычной телеге, вдыхая лошадиные ароматы и плотая дорожную пыль из-под копыт.

По дороге в Широтон приходилось спешить, и стандартные караванные дневные переходы между постоялыми дворами не подходили. Теперь складывалась почти такая же ситуация. Только в тот раз Толлеус проезжал дальше, ночуя в телеге на обочине дороги. А теперь приходилось какое-то время ехать ночью, чтобы добраться-таки до постоянного двора. В результате времени на сон оставалось совсем мало.

Во время четвертой остановки на ночлег, когда искусник с учеником ужинали в опустевшем зале, Оболиус неожиданно заговорил. В последнее время они почти не общались, слишком уставая в пути. Парнишка выглядел каким-то серым и осунувшимся. Сидел он, скрючившись набок: хоть и догадался с самого начала путешествия постелить на спину своей кобылы толстую мягкую попону, отказавшись от седла, но все равно с непривычки перетрудил место, отвечающее за усидчивость.

– Химерами можно управлять, – обронил Оболиус скрипучим голосом и закашлялся.

– По-чародейски? – прокряхтел в ответ старик: – Можно, Морис говорил. Да только мы с тобой не чародеи.

Оболиус задумчиво посмотрел на учителя:

– У меня получается. Я все время пробовал, и сегодня химера меня послушалась. Вернее, я как будто на мгновение стал ею и сам отдал ее ногам команду.

– В самом деле? – Искусник в свою очередь с интересом посмотрел на мальчишку. – Это хорошо. Так мы сможем ехать быстрее.

– Да. Только когда я в химере, я не могу контролировать свое тело. Из-за этого чуть не упал с лошади.

– Я тоже придумал способ, – похвастался Толлеус. – Я собрал новое плетение. Оно работает, как твой кнут: щелкнешь им химеру или просто рядом, чтобы напугать, – и она уже бежит в нужную сторону. При этом плетение работает на расстоянии, так что тебе самому не нужно гоняться за ней. Очень удобно. Оно не очень сложное, попробуй его освоить.

На следующий день искусник и ученик устроились в телеге вдвоем. Вторая лошадь брела следом, привязанная к повозке за узду. Она, в отличие от химер, вела себя смирно и не пыталась перегрызть путы и освободиться, едва оказавшись в поводу. Телега была практически пуста – путники ехали налегке, так что не было смысла запрягать сразу двух лошадей. При этом сохранялась возможность для Оболиуса вскочить в седло и собирать стадо по старинке, с помощью кнута.

Плетение Толлеуса оказалось сложновато для юного оробосца. Дважды ему удалось собрать работоспособный вариант, но времени на это он тратил непозволительно много – животные умудрялись убежать слишком далеко. Поэтому искусным кнутом пользовался в первую очередь сам старик, для него это стало весьма неплохой практикой работы с амулетом, который теперь заменял ему утраченный посох. Оболиус тоже не сидел без дела – ему легче давалось чародейское управление химерами. Так, вдвоем, учитель с учеником и управляли стадом, краснея от натуги, но при этом практически не шевелясь. Зато со стороны картина выглядела идиллически: все животные послушно шли следом за повозкой, как новорожденные утята за мамой-уткой.

Конечной цели своего пути Толлеус и сам не знал, о чем в последний день пребывания в оробосской столице честно признался подростку. Ему просто хотелось оказаться подальше от искусников, а заодно и от чародейской братии, кишевшей в Широтоне, подобно муравьям в муравейнике. Бояться их он давно перестал, страх ушел под напором многочисленных пережитых событий, но никакого желания общаться с ними не появилось. В крупнейшем городе цивилизованного мира, конечно, осталось много интересного, но там расположено кордосское посольство, да и деньги нужны немалые, чтобы жить в столице. Вероятно, когда-нибудь искусник туда вернется, а может, и нет. Пока возможности остаться там он не видел.

Оболиус после недолгих раздумий не направил свои стопы домой, а все-таки решил следовать с учителем, чему старик был несказанно рад. Он уже осознал пользу от учеников,

помощников и слуг и понимал, что без парня ему будет тяжело.

В Кордосе худо-бедно читать и писать умели все, империя обеспечивала всем жителям обязательное начальное образование. Здесь же дело обстояло по-другому. Оболиус владел грамотой еле-еле, на уровне какого-нибудь дремучего крестьянина из державы искусников, причем даже такой результат для незнатного олитонца считался серьезным достижением. Полюбовавшись какое-то время на попытки рыжего оболтуса сочинить бабке письмо, Толлеус в конце концов собственноручно написал Сабане послание, в котором сообщал, что берет малолетнего бездельника под свою опеку насовсем. О месте своего проживания он, естественно, не обмолвился ни словом. Это письмо он отправил с одним из встречных караванов. Получит ли трактирщица весточку от нерадивого внука, сумеет ли прочитать, поверит ли – это Толлеуса уже не касается. Совесть его чиста, да и сам Оболиус не особо переживал по данному поводу.

[Купить полную версию книги](#)